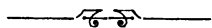

О черкъ
ОЧЕРКЪ

Pa d e n i i a P o l ' s h i
ПАДЕНІЯ ПОЛЬШИ.

Оттискъ изъ Виленскаго Календаря на 1895 годъ.

П. Дм. Брянтсев
Л. Дм. Брянцева.

ВИЛЬНА.

Типографія А. Г. Сырина, Большая ул., собств. д., № 88.

1895.

THE LIBRARY OF CONGRESS
DUPLICATE

Дозволено цензурою, 4 февраля 1895 г.—Вильна.

DK 434
.5
B75

ПАДЕНІЕ ПОЛЬШИ.

13 октября 1795 г., какъ извѣстно, совершился третій раздѣлъ Польши, а 14 ноября того же года послѣдній польскій король, Станиславъ Понятовскій, отказался отъ престола и Рѣчь Посполитая исчезла съ карты Европы.

Въ виду того, что скоро минетъ ровно сто лѣтъ, какъ произошли эти замѣчательныя историческія событія, небезъинтересно, конечно, бросить хотя бѣглый взглядъ на событія, случившіяся въ Польшѣ, въ послѣднее царствованіе, именно, въ царствованіе Станислава Понятовскаго, которое, не безъ основанія, называется учеными предсмертною агоніею политическаго существованія Рѣчи Посполитої.

Въ 1587 году на польскій престолъ вступилъ Сигизмундъ III. Съ самаго ранняго дѣтства Сигизмундъ III-й воспитанъ былъ въ строго католическомъ духѣ, а потому, достигши польскаго престола, обратилъ особое вниманіе на православныхъ Литвы и Западной Россіи. По совѣту іезуитовъ, которые были первыми его друзьями и совѣтниками, онъ задумалъ ввести унію, т. е. заставить православныхъ признавать, подобно католикамъ, римскаго папу намѣстникомъ Іисуса Христа и видимымъ главою своей церкви и слушаться его приказаній, какъ повелѣній самого Бога.

Десять лѣтъ Сигизмундъ III и вышее католическое духовенство Рѣчи Посполитої вмѣстѣ съ іезуитами и польскими магнатами усиленно работали надъ подготовкою православныхъ къ принятію уніи. Но успѣхъ былъ небольшой: при-

няли унію четыре православныхъ епископа, 1) одинъ митрополитъ, одинъ архимандритъ, два монаха, три священника и человекъ сто. не болѣе, простыхъ мірянъ 2). Но несмотря на такое ничтожное количество лицъ, принявшихъ унію, и несмотря на протестъ всего православно-русскаго населенія Рѣчи Посполитой, 1596 г. 9-го октября унія была провозглашена и признана польскимъ правительствомъ какъ единственное истинное и законное исповѣданіе русскаго населенія, за которымъ сохранялись всѣ гражданскія права.

Съ провозглашеніемъ уніи тяжелыя времена настали для православно-русскаго населенія Рѣчи Посполитой, оставшагося вѣрнымъ религіи своихъ предковъ. У православныхъ отбирали церкви 3), отнимали имѣнія; лишали ихъ должностей, заключали въ тюрьмы, томили голодомъ, били палками, сбѣкли кнутами и т. п. 4)

Но тяжелѣе всего отозвалось введеніе уніи на простомъ классѣ русскаго народа, на православныхъ крестьянахъ, особенно на тѣхъ, которые находились подъ властію пановъ-католиковъ въ качествѣ крѣпостныхъ. 5)

1) Епископы эти приняли унію не по убѣжденію, а изъ боязни суда патриарнаго и лишенія епископскихъ кафедръ за свои незаконныя дѣла. Подробности см. въ „Исторіи русской церкви“ пресвящ. Макарія т. IX и X, или въ „Исторіи Западно-русской церкви“ профессора Чистовича т. II.

2) Въ г. Вильнѣ, напримѣръ, изъ 25000 православныхъ согласились принять унію человекъ 10 не болѣе. См. сочиненіе профес. Петербургскаго университета Васильевскаго „Вильна“, помѣщенное въ 6-мъ выпускѣ „Памятниковъ Русской Старины въ западныхъ губерн. Имперіи“, изданныхъ П. Н. Батюшковымъ. С.-Пб. 1874 г. Стр. 2 и 3.

3) Въ сіе время. между прочимъ, у православныхъ въ Вильнѣ отобраны были церкви: св. Николая, Пятницкая, Троицкій монастырь, Пречистенскій соборъ и друг.—всѣхъ 12. См. сочиненіе Щербицкаго „Троицкій монастырь“.

4) Въ это время многія православно-русскія богатыя и знатныя фамиліи, вслѣдствіе преслѣдованія и насилія со стороны польскаго правительства, перешли въ католичество, именно: Пацы, Тышкевичи, Санѣги, Вишневецкіе, Корсаки, Пузыны, Сангушки, Горскіе и другіе.

5) Нужно замѣтить, что въ Рѣчи-Посполитой положеніе крестьянъ не только православныхъ, но даже католиковъ, было очень тяжелое. Въ Польшѣ крестьяне-католики находились въ страшномъ презрѣніи и назывались „быдломъ“, т. е. рабочимъ скотомъ. Польскій писатель XVII ст.

По большей части паны свои имѣнія, населенныя православными крестьянами, отдавали въ аренду жидамъ. Жиды, получившіе подобнаго рода имѣнія въ аренду, прежде всего облагали православныхъ тройною податью сравнительно съ панскою; затѣмъ налагали свою руку на церковныя службы и требы православнаго населенія: жиды обыкновенно брали себѣ ключи отъ церквей и заставляли православныхъ платить за каждое богослуженіе: утреню, обѣдню, вечерню и др., за каждую потребу, т. е. за крестины, молебны, погребеніе, причащеніе больныхъ и т. п. У тѣхъ православныхъ, которые по своей бѣдности не могли внести платы жиду, зачастую дѣти оставались безъ крещенія, больные отходили въ загробную жизнь безъ покаянія, мертвые по мѣсяцамъ лежали и гнили безъ погребенія, а такихъ примѣровъ тысячи. ¹⁾

Въ 1620 г. на Варшавскомъ сеймѣ депутатъ земли Волынской Лаврентій Древинскій въ присутствіи сенаторовъ и Сигизмунда III такими красками очертилъ положеніе православныхъ въ Рѣчи Посполитой: „О Боже живый! кто же ясно не видитъ, какія великія притѣсненія и ужасныя огорченія претерпѣваетъ этотъ древній русскій православный народъ—относительно своей религіи; начну отъ Кракова: посмотрите, развѣ такого рода мѣрами должно распространять слово Божіе, къ какимъ прибѣгаютъ сочувствующіе уніи. Уже въ большихъ городахъ давно православныя церкви запечатаны, имѣнія церковныя расхищены, въ монастыряхъ скотъ запираютъ. Но перейдемъ лучше къ Литовскому государству и посмотримъ, что дѣлается тамъ: тамъ въ пограничныхъ Московскому государству городахъ совершается то же самое. Въ Могилевѣ, Оршѣ церкви также запечатаны,

Стравинскій (католикъ и полякъ) говоритъ слѣдующее: „любой азіатскій деспотъ не замучитъ во всю жизнь столько людей, сколько ихъ замучатъ у насъ паны въ годъ“. Французскій инженеръ Бошанъ, состоявшій на службѣ у Сигизмунда III и сына его Владислава IV, пишетъ въ своемъ сочиненіи: „нѣтъ подъ солнцемъ тяжелѣе и безотраднѣе жизни человѣческой, какъ жизнь польскихъ крестьянъ: крестьяне въ Польшѣ мучатся какъ въ чистилищѣ, а паны блаженствуютъ какъ въ раю“. То же самое говоритъ и жившій въ Польшѣ въ XVI столѣтіи іезуитъ Петръ Скарга. См. сочиненіе Костомарова „Богданъ Хмельницкій“ т. I.

¹⁾ См. Костомарова.

священники разогнаны; въ Пинскѣ то же произведено; монастырь Лещенскаго въ питейный домъ превращенъ; дѣти безъ крещенія отъ этого свѣта отходятъ; тѣла умершихъ безъ церковнаго обряда изъ городовъ выносятся; народъ безъ церковнаго благословенія въ непотребствѣ живетъ; безъ исповѣди, безъ причастія умираютъ. Неужели все это, сдѣланное вами, самому Богу пріятно? Ужели вы думаете, что все это вамъ такъ пройдетъ и не будетъ наказано Богомъ?... Въ Вильнѣ не вопіющія ли притѣсненія? Слышно-ли что-нибудь подобное гдѣ-нибудь? Тѣло мертваго православнаго, когда нужно за городъ проводить, нельзя пронести чрезъ тѣ ворота, которыми всѣ ходятъ и ѣздятъ, и чрезъ которыя провозятъ своихъ мертвецовъ жида, потому что запираютъ, такъ что православные принуждены бывають выносить своихъ мертвецовъ чрезъ тѣ ворота, которыя назначены для вывоза нечистотъ. Даже въ полученіи воды бѣдные православные крайне нуждаются. Монаховъ, не приклонныхъ къ униі, ловятъ, бьютъ, или, поймавши на дорогѣ, связываютъ по рукамъ и ногамъ. Въ гражданскіе чины православныхъ лицъ, до стойныхъ по уму и по развитію, не производятъ за то только, что они не униаты, и вмѣсто ихъ, суды присутственныхъ мѣстъ наполнены невѣждами и простаками, которые рѣшительно ничего не понимаютъ. Суммы денежныя отъ невинныхъ православныхъ безъ всякой основательной причины исторгають!...

И такъ, ради милосердія Всевышняго Бога, именемъ всей нашей православно-русской братіи, всенижайше просимъ ваше королевское величество и членовъ сейма—сжальтесь надъ нами, надъ нашими притѣсненіями, надъ обидой не нашей, но Божьей! Уже двадцать лѣтъ на каждомъ сеймѣ на каждомъ сеймикѣ и главномъ зѣбѣдѣ кровавыми слезами молимъ, но испросить не можемъ, чтобы мы при нашихъ правахъ и вольностяхъ нашихъ, подобно другимъ, остались сохраннными, чтобы братія наша таковыхъ несправедливостей не претерпѣвала; чтобы митрополитъ нашъ и наши епископы были въ зависимости отъ Константинопольскаго патріарха, а имѣнія церковныя, захваченныя несправедливо, хотя не вдругъ, но непремѣнно, по смерти нынѣшнихъ владѣтелей, были возвращены законнымъ лицамъ. Въ противномъ случаѣ

(что да отвратится Всемогущій Богъ), если на семь сеймъ наши просьбы не будутъ уважены и уврачеваніе смертельныхъ ранъ, нанесенныхъ намъ, не послѣдуетъ, принуждены будемъ возвать къ *Суду Божию* и вмѣстѣ съ пророкомъ возопитъ: „*Суди мя, Боже, и разсуди прю мою.*“¹⁾

Полтора ста лѣтъ прошло съ того времени, какъ Древинскій призывалъ поляковъ къ Суду Божию за ихъ незаконныя дѣла по отношенію къ православно-русскому населенію Рѣчи Посполитой. Давно уже онъ сошелъ въ могилу. Сошли въ могилу и шесть польскихъ королей, одинъ за другимъ, преемственно, царствовавшіе въ Рѣчи Посполитой. Забыта рѣчь русскаго депутата земли Волынской,—забыты и заключительныя слова его рѣчи. А между тѣмъ судъ Божій надъ поляками дѣйствительно приближался и со всею строгостію проявился въ послѣднее царствованіе, бывшее во время политическаго существованія Рѣчи Посполитой, именно: въ царствованіе Станислава Понятовскаго, въ седьмое по счету послѣ смерти Древинскаго.

Посмотримъ, какъ этотъ судъ Божій проявился надъ Польшею.

5 октября 1763 г. умеръ польскій король Августъ III. Вѣсть эта быстро облетѣла всю Европу. Но нигдѣ она не произвела такого волненія, какъ въ Берлинѣ и С.-Петербургѣ. И было чего волноваться: теперь ставился вопросъ—кто будетъ королемъ въ Польшѣ? А отъ рѣшенія этого вопроса,

¹⁾ Мы привели рѣчь Древинскаго въ сокращенномъ видѣ. Въ полностью своей она помѣщена у П. М. Павлицева (извѣстнаго писателя по исторіи Польшы) въ его сочиненіи „Польская анархія“).

Древинскій былъ человекъ весьма умный, богатый и вліятельный, а главное—въ высшей степени честный, не подкупный и глубоко преданный православію и русской народности. Былъ на Брестскомъ соборѣ и вмѣстѣ съ другими подписалъ протестъ противъ уніи. Состоялъ членомъ православныхъ братствъ: Виленскаго, Луцкаго и Львовскаго. Основалъ въ Кременцѣ (Волынской губерніи) Богоявленскій монастырь и при немъ братство, школу, типографію и богадѣльню. Въ 1635 году онъ подарилъ Свято-Духовскому монастырю имѣніе Кинишковку съ крестьянами и кирпичнымъ заводомъ (имѣніе находилось около Вильны, на Зарѣччѣ), а въ самой Вильнѣ—домъ, на Антоколѣ.

какъ извѣстно, зависѣло преобладающее вліяніе въ Польшѣ той, или другой державы: Пруссіи, или Россіи.

Когда извѣстіе о смерти польскаго короля Августа III дошло до Петербурга, то императрица Екатерина II написала въ Варшаву своимъ посламъ: Кайзерлингу и Репнину ¹⁾— употребить все свое вліяніе на елекціонномъ (избирательномъ) сеймѣ для избранія одного изъ двухъ кандидатовъ: или же литовскаго стольника Станислава Понятовскаго, или же его двоюроднаго брата „князя Адама Чарторыйскаго, сына Августа Чарторыйскаго, воеводы русскаго. А чтобы вѣрнѣе имѣть успѣхъ въ семъ дѣлѣ, русская императрица приказала придвинуть къ границамъ Польши 30,000 войска и еще 50,000 держать наготовѣ.

Въ сентябрѣ 1764 г. созванъ былъ елекціонный сеймъ. По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ это время въ Польшѣ образовалось нѣсколько партій, изъ нихъ каждая думала возвести на престолъ своего кандидата, На этотъ разъ этихъ партій было три: саксонская, французская и русская. Последняя была самая многочисленная; во главѣ ея стояли Чарторыйскіе, а противниками ихъ были Броницкіе и Радзивиллы, представители такъ называемой французской партіи.

7 сентября 1764 г. въ поле, между Варшавою и деревнею Волею, съѣхались члены елекціоннаго сейма для избранія короля. По срединѣ поля возвышался роскошный шатеръ, обтянутый бархатомъ, подъ которымъ должны были засѣдать, въ извѣстномъ порядкѣ, сенаторы. Недалеко отъ навѣса устроено было особое мѣсто для земскихъ пословъ. Далѣе, по всѣмъ направленіямъ раскинуты были палатки, въ которыхъ помѣщалась шляхта, прибывшая изъ воеводствъ, и депутаты отъ семи главнѣйшихъ городовъ Рѣчи Посполитой. Самое поле окружено было глубокимъ рвомъ и валомъ съ тремя выходными воротами: отъ запада—для входа представителей Великой Польши (великополянъ), съ юга—для входа

¹⁾ Кайзерлингъ собственно былъ посломъ при варшавскомъ дворѣ, а Репнинъ его помощникомъ. Кайзерлингъ, впрочемъ, скоро умеръ и мѣсто его занялъ Репнинъ. Репнинъ былъ человекъ выдающагося ума, въ высшей степени энергичный и еще очень молодой—30-ти лѣтъ. Онъ былъ родственникъ Панина, завѣдывающаго при Екатеринѣ II иностранною политикою.

представителей Малой Польши (малополянь) ¹⁾ и отъ востока— для входа представителей Литвы.

Совершивъ утреннее служеніе въ соборѣ св. Іоанна въ Варшавѣ, примасъ-архіепископъ, заступавшій во время междуцарствія короля, въ каретѣ, запряженной шестью лошадьми, выѣхалъ на избирательное поле, предшествуемый своимъ дворомъ, прелатомъ, который везъ предъ нимъ на конѣ распятіе и однимъ изъ кастеляновъ, маршаломъ своего двора. За нимъ слѣдовали сенаторы, послы и конная шляхта въ торжественномъ порядкѣ. По прибытіи на избирательное поле всѣ заняли свои мѣста. Но уже раньше до этого дня, всѣмъ было извѣстно, что Екатерина II желаетъ видѣть на польскомъ престолѣ Станислава Понятовскаго. И дѣйствительно, дружба отца Понятовскаго съ королемъ Лещинскимъ, родственныя связи съ домомъ Чарторыйскихъ (Понятовскій по матери былъ роднымъ племянникомъ Михаила и Адама Чарторыйскихъ) и въ особенности желаніе Екатерины II склонили сеймъ на его сторону.

Послѣ хвалебнаго гимна св. Духу о просвѣтленіи небесной благодатію разума присутствующихъ, примасъ приказалъ сенаторамъ и посламъ присоединиться къ шляхтѣ своихъ воеводствъ, которая, выступивъ отдѣльными группами изъ палатокъ, ожидала ихъ подъ сѣнію своихъ знаменъ. Затѣмъ примасъ, сѣвъ на коня, сталъ объѣзжать каждое воеводство въ отдѣльности, спрашивая: кого они желаютъ имѣть своимъ королемъ? Всѣ воеводства единодушно подали свой голосъ въ пользу Станислава Понятовскаго, ²⁾ имя котораго,

¹⁾ По характеру природы и населенія Польша съ древнихъ временъ дѣлилась на двѣ части: Великую, или сѣверную Польшу, и Малую, или западную Польшу. Первая орошалась рѣкою Вартою (притокомъ Вислы), а вторая—верхнимъ теченіемъ Вислы. Представители на сеймахъ Сѣверной Польши назывались великополянами, а представители Южной—малополянами.

Избирательный образъ правленія въ Польшѣ, какъ извѣстно, введенъ былъ послѣ смерти послѣдняго Ягеллона—Сигизмунда II Августа, умершаго въ 1572 году. Тогда же, между прочимъ, выбрано было и вышеозначенное поле для избранія королей и выработанъ порядокъ избранія.

согласно установленному порядку, было произнесено у каждого из трехъ входовъ избирательнаго поля. Въ заключеніе пропѣтъ былъ гимнъ „Тебе Бога хвалимъ“ ¹⁾.

Спустя нѣсколько дней, Станиславъ Понятовскій короновался и затѣмъ утверждень клятвою „*Racta Conventa*“ (т. е. статьи, ограничивающія власть короля).

Избраніемъ на польскій престолъ Станислава Понятовскаго остался очень доволенъ и прусскій король Фридрихъ II Великій. Сообщая объ этомъ въ Петербургъ, Фридрихъ II просилъ русскую императрицу объ одномъ только: не дозволять новому королю производить въ своемъ отечествѣ какія-бы то ни было реформы и не уничтожать такъ называемаго „*Liberum veto*“ ²⁾. Прусскому королю очень хотѣлось, чтобы

¹⁾ Описание избранія на польскій престолъ Станислава Понятовскаго мы заимствовали изъ сочиненія бывшаго польскаго профессора въ Виленскомъ университетѣ Делевеля „Очеркъ исторіи польскаго народа“. Делевель, говоря о причинахъ, по которымъ Станиславъ Понятовскій былъ избранъ на польскій престолъ, умалчиваетъ почему-то объ одной и притомъ весьма важной: о присутствіи русскихъ войскъ въ Варшавѣ. Дѣло вотъ въ чемъ: Чарторыйскіе (представители русской партіи при избраніи короля), желая одолѣть своихъ противниковъ — Браницкихъ и Радзивиллъ (представителей такъ называемаго французской партіи), выпросили у Екатерины II 14000 войска и ввели его въ Варшаву.

²⁾ Въ Рѣчи Посполитой, какъ извѣстно, вся власть находилась въ рукахъ сейма. До 1652 года дѣла на сеймахъ обыкновенно рѣшались большинствомъ голосовъ, хотя для формы въ протоколахъ употреблялось выраженіе „по единогласному рѣшенію“. Но съ 1652 года, благодаря упитскому депутату Сицинскому, вошло въ обыкновеніе (а потомъ и въ законность), чтобы на сеймахъ при рѣшеніи каждаго вопроса непремѣнно было согласіе всѣхъ членовъ собранія, въ противномъ случаѣ вопросъ не проходилъ и сеймъ закрывался. Говоря другими словами, съ 1652 года въ Польшѣ на сеймахъ вошло въ обыкновеніе, что одинъ депутатъ своимъ несогласіемъ на сеймовое рѣшеніе того или другого вопроса могъ приостановить рѣшеніе цѣлаго сейма или, какъ говорили поляки, „сорвать сеймъ“. Для приостановки рѣшенія, или „срыванія“ сейма у поляковъ былъ выработанъ и особый терминъ: „*не pozwalamъ*“ (т. е. не соглашаемся съ сеймомъ). А это право каждаго члена сейма на слово „не pozwalamъ“ съ дѣлію „сорвать сеймъ“ называлось у поляковъ „*Liberum veto*“ (свободное запрещеніе). Этимъ „*Liberum veto*“ поляки дорожили больше всего на свѣтѣ и называли „Звницею свободы“, а между тѣмъ эта

Рѣчь Посполитая, слѣдую старымъ порядкамъ во внутреннемъ управленіи, сама собою погибла, вслѣдствіе домашнихъ неурядицъ. Гибели же Польши прусскій король сильно желалъ: онъ надѣялся, что съ гибелью Польши укрѣпится политическая связь между двумя половинами его государства. Дѣло вотъ въ чемъ: Прусское королевство, образовавшееся въ XVII столѣтіи, состояло изъ двухъ половинъ, именно: курфюршества Бранденбургскаго и герцогства Прусскаго (бывшаго прежде Тевтонскаго ордена). Но половины эти, какъ извѣстно, не были соединены между собою никакою прусскою территоріею. Между этими половинами лежала широкою полосою сѣверная часть Польши (Великая Польша), омываемая Балтійскимъ моремъ и орошаемая рѣкою Вислою. Такъ было до смерти прусскаго короля Фридриха Вильгельма I, но когда на прусскій престолъ вступилъ сынъ его Фридрихъ II, то этотъ государь и задумалъ соединить эти половины государства. А подобное соединеніе не иначе могло бы произойти, какъ только захватомъ той части территоріи Рѣчи Посполитой, которая лежала между двумя вышеозначенными частями Прусскаго королевства. Само собою разумѣется, что желаніе Фридриха II не иначе могло-бы осуществиться какъ только при полномъ разстройствѣ Польши и ея безсиліи; а то и другое возможно было только при старыхъ порядкахъ и главнымъ образомъ при существованіи „*Liberum veto*“. Прусскій король день и ночь помышлялъ объ этомъ соединеніи. Еще будучи принцемъ, онъ думалъ о немъ и весьма сожалѣлъ, что отецъ его не вмѣшался въ дѣла Польши послѣ

Звѣнца свободы* составляла страшное зло Рѣчи Посполитой; въ самомъ дѣлѣ: люди — вѣдь не ангелы, а потому на сеймѣ всегда могъ найтись безумный, который останется недоволенъ рѣшеніемъ того или другого вопроса и постарается, или изъ личныхъ выгодъ, или подкупа, опротестовать его словомъ „не поволяемъ“, или „сорвать сеймъ“. Такъ въ Польшѣ въ дѣйствительности и было: рѣдкій сеймъ проходилъ, чтобы кто-нибудь не сорвалъ его словомъ „не поволяемъ“. При Августѣ III, напримѣръ, было 30-ть сеймовъ и всѣ сорваны (см. Соловьева „Паденіе Польши“). Понятно, что при такой постановкѣ дѣла не могло быть и рѣчи о спокойствіи въ странѣ и правильномъ ходѣ въ администраціи. И вотъ о сохраненіи въ Польшѣ этого-то „*Liberum veto*“ и хлопоталъ Фридрихъ II передъ русскою императрицею.

смерти Августа II, когда тамъ произошли смуты и волненія по поводу избранія новаго короля.¹⁾ А когда Фридрихъ II вступилъ на престоль, то сталъ зорко слѣдить за своею восточною сосѣдкою и постоянно искалъ предлога вмѣшаться во внутреннія дѣла Польши и даже тайно вмѣшивался. Такъ, между прочимъ, извѣстно, что Фридрихъ II чрезъ своихъ агентовъ далъ знать диссидентамъ Рѣчи Посполитой, что они могутъ разсчитывать на его помощь въ борьбѣ ихъ съ польскимъ правительствомъ изъ-за политическихъ правъ. Онъ даже думалъ подчинить своему; вліянію и православныхъ Польши. Но этому помѣшалъ игумень св. Духовскаго монастыря въ г. Вильнѣ Теофанъ Леонтовичъ: онъ уговорилъ православныхъ не подчиняться прусскому королю и донесъ объ этомъ въ Петербургъ, при чемъ первый высказалъ мысль о присоединеніи къ Россіи Бѣлоруссіи Малороссіи и Литвы²⁾.

Извѣщая русскую императрицу о своемъ удовольствіи по поводу избранія Станислава, прусскій король Фридрихъ II въ то же время просилъ Екатерину II и о совмѣстномъ вмѣшательствѣ за православныхъ и протестантовъ (диссидентовъ) Рѣчи Посполитой съ цѣлію добиться для тѣхъ и другихъ одинаковыхъ гражданскихъ правъ съ католиками.

Просьба Фридриха II о диссидентахъ какъ разъ совпадала съ личнымъ желаніемъ самой Екатерины II. Будучи принцессою, она уже думала объ участи православныхъ Рѣчи Посполитой, а сдѣлавшись императрицею, порѣшила энергически взяться за сіе дѣло.

Къ энергическому дѣйствію за права диссидентовъ Екатерина Великая настроена была знаменитымъ бѣлорусскимъ архіепископомъ Георгіемъ Конисскимъ, который, бывши въ Москвѣ на коронаціи императрицы, представилъ ей обширную записку. Въ этой запискѣ Конисскій изобразилъ невыносимыя страданія православныхъ Рѣчи Посполитой, убѣдительно просилъ о скорѣйшемъ и энергическомъ

¹⁾ См. Щебальскаго „Чтенія изъ русской исторіи“. Т. 5 стр. 183.

²⁾ Тамъ-же. Стр. 74 и 75.

заступничества, при чемъ прибавилъ, что если императрица не возьметъ этого дѣла въ свои руки, то православные будутъ искать защиты у прусскаго короля.

Въ первый же годъ царствованія Станислава Понятовскаго императрица Екатерина II чрезъ своего посла Репнина (Кайзерлингъ умеръ) просила польскаго короля, чтобы онъ добился отъ сейма дарованія правъ диссидентамъ. Король съ охотою обѣщалъ, но только просилъ императрицу, чтобы она помогла ему произвести реформы въ Польшѣ. Императрица согласилась.

Большинство польскихъ историковъ, какъ извѣстно, весьма несимпатично относятся къ Станиславу Понятовскому и самое паденіе Польшы значительно приписываютъ ему. А между тѣмъ Понятовскій былъ выдающійся человекъ и по внѣшнимъ, и по внутреннимъ качествамъ: новый польскій король былъ весьма красивой наружности, обладалъ свѣтлымъ умомъ и мягкостью сердца. Глубоко преданный своему отечеству, Станиславъ Понятовскій искренно желалъ добра ему. Проживши нѣсколько лѣтъ при дворахъ парижскомъ, лондонскомъ и петербургскомъ и хорошо зная внутренній строй Англіи, Франціи и Россіи, Станиславъ Понятовскій могъ бы многое сдѣлать полезное для своего отечества, но въ дѣйствительности ничего не сдѣлалъ, да и не могъ сдѣлать, потому что Рѣчь Посполитая въ это время была уже слишкомъ разстроена: при немъ она переживала, такъ сказать, послѣднія минуты своей предсмертной агоніи. — Польскій историкъ Нарушевичъ (краковскій епископъ) такими словами описываетъ Рѣчь Посполитую, будучи на аудіенціи у Понятовскаго сейчасъ послѣ коронаціи: „Ваше величество! напрасно вы приняли корону Польшы, вы не поправите положеніе сего государства; посмотрите, ваше величество, что вы приняли отъ вашихъ предшественниковъ? Раздоры и несогласіе внутри, ограбленную казну, отсутствіе дисциплины въ войскахъ, опустѣлые замки, опустѣвшіе города, правленіе безъ связи и рады, бѣзтолковые сеймы и, при этихъ явленіяхъ, грозное вокругъ сосѣдство. Ваше величество! продолжалъ Нарушевичъ, если Казиміръ Великій, имѣвшій въ своихъ рукахъ право суда и законодательство, войска и казну, ничего не могъ сдѣлать,

то что вы, какъ король избирательный и ограниченный въ своихъ правахъ, можете сдѣлать? Ничего. Вамъ остается одно — терпѣть за чужіе грѣхи и быть мишенью для выстрѣловъ ненависти, потому что стоите на высшемъ мѣстѣ“¹⁾.

Но не это собственно мѣшало Станиславу Понятовскому сдѣлать что-нибудь полезное для своего отечества, а мѣшало глубокое нравственное паденіе высшаго польскаго сословія, высшей аристократіи (магнатства, пановъ), въ рукахъ которой находилась вся судьба Польши. О глубокомъ нравственномъ паденіи польскаго высшаго сословія свидѣтельствуется донесеніе саксонскаго резидента Эссена, бывшаго въ царствованіе Станислава Понятовскаго въ Польшѣ посломъ при варшавскомъ дворѣ, своему курфирсту. Вотъ выдержка этого донесенія: „польскіе вельможи, будучи недовольны другъ другомъ, вѣчно соперничаютъ между собою; они гоняются за полученіемъ пенсій отъ иностранныхъ дворовъ, съ тѣмъ, чтобы подкапываться подъ собственное отечество. Цотоцкіе, Радзивиллы, Любомирскіе раззорились въ концѣ отъ расточительности. Князь Адамъ Чарторыйскій часть своего хлѣба съѣлъ на корню. Остальная шляхта всегда готова служить тому двору, который болѣе заплатитъ. Въ столицѣ поражаетъ роскошь, въ провинціяхъ бѣдность. На 20 милліоновъ золотыхъ ввозъ иностранныхъ товаровъ превысилъ вывозъ своихъ. Ежедневно происходятъ въ Польшѣ такія явленія, какія невѣроятны въ другихъ государствахъ: злостныя банкротства купцовъ и вельможъ, безумныя азартныя игры, грабежи, всякаго рода отчаянные поступки, порождаемые недостаткомъ средствъ при страшной роскоши. Преступленія совершаются на каждомъ шагу, и кто же ихъ совершаетъ? Люди, принадлежащіе къ самому высшему обществу, которые бывають постоянно у короля и пользуются почетомъ, и какому же наказанію они подвергаются? Никакому. Такія здѣсь, на примѣръ, совершаются преступленія: одинъ сенаторъ укралъ печать, а другой золотыя часы у жены русскаго посла. Лица, украшенныя орденами Бѣлаго Орла,

¹⁾ Нарушевичъ „Исторія польскаго народа“ т. VI, изд. 1803 г. стр. 11. Кульжинскій „Исторія Польши“ 1864 г., стр. 172, примѣч. 1.

крадутъ векселя у адвокатовъ, предъявленные ихъ заимодавцами; очень многіе министры Рѣчи Посполитой, желая получить деньги для роскоши, пускаются на такого рода поступки: соберутъ все свое столовое серебро и золотыя украшенія, затѣмъ отдадутъ все это своему камердинеру и прикажутъ ему гдѣ-нибудь заложить вещи, а деньги принести имъ; послѣ этого они отсылаютъ камердинера въ деревню, а съ лицами, принявшими въ закладъ вещи, начинаютъ судиться, обвиняя ихъ въ утайкѣ краденнаго; есть и такіе министры, и ихъ немало, которые дѣлаютъ „наѣзды“ на имѣнія своихъ сосѣдей, при чемъ происходятъ битвы и нерѣдко человѣкъ около 30 остается мертвыми на мѣстѣ. Одинъ сенаторъ уличается въ поддѣлкѣ векселей, другой отрицается отъ своей подписи, третій употребляетъ фальшивыя карты во время денежной игры, четвертый продаетъ имѣніе, которое никогда ему не принадлежало, пятый, взявшій изъ рукъ кредитора векселя, разрываетъ ихъ и въ то же время приказываетъ бить кредитора, шестой захватываетъ чужую жену, увозитъ ее домой и тамъ насилуетъ. Я трепещу при мысли, далѣе пишетъ Эссенъ, что курфирстъ возложить на меня обязанность указать ему между поляками троихъ знатныхъ лицъ и вмѣстѣ честныхъ, я не могу ни одного указать ему. Англійскій посланникъ, продолжаетъ писать тотъ же Эссенъ, каждую почту проситъ свое правительство отозвать его отсюда, потому что онъ, исполняя должность посла при варшавскомъ дворѣ, тѣмъ самымъ унижаетъ достоинство свое, какъ честнаго человѣка. Нѣмецкій полумошенникъ, заключаетъ свое донесеніе саксонскій резидентъ, въ Польшѣ былъ бы честный человѣкъ“ ¹⁾.

Но несмотря на все это Станиславъ Понятовскій,¹ обнадеженный русскою императрицею, дѣйствительно приступилъ къ реформамъ. По словамъ Лелевеля, Понятовскій произвелъ слѣдующія реформы: а) ограничилъ власть гетмановъ и мар-

¹⁾ Картину эту, говоритъ профессоръ Соловьевъ, представляетъ намъ такой человѣкъ, которому не было ни малѣйшей надобности напрасно чернить польскую аристократію,—напротивъ, онъ имѣлъ всѣ побужденія по своимъ родственнымъ связямъ съ нею отзываться о польской аристократіи съ хорошей стороны,—слѣдовательно, заключаетъ Соловьевъ, мы вполне должны довѣрять Эсену.

шаловъ, б) расширилъ исполнительную власть короля, в) основалъ кадетскій корпусъ, нущечный литойный заводъ и возобновилъ чеканку монеты и др. ²⁾ Но кромѣ этого, мы знаемъ изъ другихъ источниковъ, что Станиславъ Понятовскій, при содѣйствіи русскаго правительства, въ сіе время уничтожилъ и „*Libegum veto*“—это страшное зло Польши ³⁾.

Совершивъ вышеозначенныя реформы, Станиславъ Понятовскій, согласно желанію русской императрицы, приступилъ къ самой важной реформѣ, именно: уравнию правъ диссидентовъ съ католиками. По этому поводу въ мартѣ 1765 г. созванъ былъ сеймъ. Но лишь только Любенскій, архіепископъ гнѣзненскій, докладывавшій дѣла сейму, упомянулъ о желаніи русской императрицы относительно уравниенія правъ диссидентовъ съ католиками, какъ поднялся всеобщій крикъ: всѣ встали съ мѣсто, окружили примаса и чуть было не убили его ³⁾. Затѣмъ обрушились на короля: стали упрекать его въ измѣнѣ католической религіи, въ произвольномъ присвоеніи себѣ власти въ ущербъ шляхетской свободы и въ уничтоженіи „*Libegum veto*“. Въ заключеніе, члены сейма потребовали отъ короля уничтоженія всѣхъ реформъ, произведенныхъ имъ и возстановленія „*Libegum veto*“ ⁴⁾. Требования были исполнены, и Рѣчь Посполитая снова понеслась быстрыми шагами въ пропасть, самой себѣ приготовленную.

Но этимъ не ограничился сеймъ; считая православныхъ главными виновниками вмѣшательства Россіи во внутреннія дѣла Польши, онъ уполномочилъ сенатъ и высшее католическое духовенство на новыя преслѣдованія православныхъ. Съ этою цѣлю сенатъ и высшее католическое духовенство, руководимое іезуитами, стали тайно разсылать циркуляры съ требованіемъ, чтобы шляхта соединилась, какъ одинъ человекъ, на защиту гибнущаго, по ихъ мнѣнію, отечества и католичества отъ „схизматиковъ“ (православныхъ) и ихъ незаконныхъ требованій, т. е. уравниенія правъ съ католиками. Вслѣдствіе этого по всей Литвѣ, Бѣлоруссіи и даже

1) Делевель „Очерки исторіи польскаго народа“, стр. 207.

2) Щебальскій „Чтеніе изъ Русской исторіи“ т. 5, стр. 60.

3) Соловьевъ. „Паденіе Польши“, стр. 24.

4) Кульжинскій „Исторія Польши“, стр. 179.

Малороссіи начались страшныя преслѣдованія православныхъ; снова вернулись времена Кунцевича и Шумлянскаго. Въ то же время цѣлыя толпы доминиканскихъ и францисканскихъ монаховъ, въ качествѣ миссіонеровъ, рассыпались по Бѣлоруссіи и Украинѣ, при чемъ со стороны вышеозначенныхъ лицъ пущены были въ ходъ: ложь, обманъ, тюремныя заключенія и разнаго рода истязанія, словомъ все, чтобы только обратитъ православныхъ въ унию или католичество. Въ Бѣлоруссіи католическіе миссіонеры и помогавшая имъ шляхта не встрѣтили особеннаго сопротивленія со стороны православнаго населенія, потому что оно здѣсь было запугано и забито еще раньше. Бѣлоруссы, по свидѣтельству современниковъ, „какъ безотвѣтныя овцы, подгоняемая дубьемъ и палкою, шли или въ костель для принятія католицизма, или въ униатскую церковь для объявленія себя униатами“. Но совсѣмъ другой характеръ имѣла латино-униатская пропаганда въ Малороссіи: тамъ нельзя было заставить энергическій малороссійскій народъ, развившійся на свободныхъ началахъ казачества, отступить отъ вѣры отцовъ одною проповѣдью, какъ въ Бѣлоруссіи; чтобы имѣть какой-нибудь успѣхъ въ дѣлѣ совращенія православныхъ въ унию или въ латинство, въ Малороссіи необходимо было употребить силу; она, дѣйствительно, и употреблена была. Въ началѣ 1766 года въ Малороссію прибылъ для обращенія православныхъ въ унию викарій униатскаго митрополита Мокрыцкій, въ сопровожденіи значительнаго числа жолнѣровъ (солдатъ), которыми командовалъ полковникъ Вороничъ. Мокрыцкій прежде всего началъ свою миссіонерскую дѣятельность съ той части Малороссіи, которая по населенію своему болѣе другихъ мѣстностей отличалась преданностью православію, именно, съ Черкаскаго округа. По единогласному свидѣтельству очевидцевъ, Мокрыцкій и Вороничъ воздвигли такое гоненіе на православныхъ священниковъ въ вышеозначенной мѣстности, что ихъ болѣе ста человекъ бѣжало за границу; тѣхъ же, которые не успѣли бѣжать, Мокрыцкій и Вороничъ предали ужаснымъ истязаніямъ: ихъ томили голодомъ, пекли огнемъ, разрывали рты, выворачивали руки и ноги, выдергивали волосы и т. п. Затѣмъ искалѣченныхъ отравили въ Радомысль и тамъ заставили возить тачками

землю, при чемъ награждали ихъ каждый день палочными ударами. Изъ Черкаскаго округа Мокрыцкій и Вороничъ отправились въ мѣстечко Жаботинъ (на югъ отъ Черкасъ), гдѣ жители также глубоко преданы были православію. Тутъ Мокрыцкій и Вороничъ, созвавши православныхъ на площадь, прямо сказали имъ, что если они въ продолженіе сутокъ не примуть уніи, то всѣ будутъ перерѣзаны. Слѣдующій день былъ праздничный (Преображеніе Господне); народъ сотнями повалилъ въ церковь, оттуда, послѣ исповѣди и причастія св. Таинъ, направился къ дому, гдѣ оставились Мокрыцкій и Вороничъ, и объявили этимъ послѣднимъ, что за православную вѣру готовы умереть. Мокрыцкій и Вороничъ не рѣшились привести въ исполненіе своей угрозы, они ограничились только тѣмъ, что приказали схватить сотника мѣстечка, по фамиліи Харько, и отрубить ему голову; остальныхъ прогнали, сказавъ, что въ другое время съ ними расправятся. Изъ Жаботина Мокрыцкій и Вороничъ съ жолнерами отправились въ мѣстечко Телепинъ, гдѣ такъ же, какъ и въ Жаботинѣ, собрали православныхъ на площадь и заявили имъ, что если они не примуть уніи, то всѣ до одного человѣка, не исключая и младенцевъ, будутъ казнены смертію. Тѣ повѣрили и перешли въ унію. Отсюда два этихъ страшныхъ миссіонера отправились далѣе на югъ, къ р. Бугу, при чемъ на пути своемъ совершили множество казней надъ православными. Между прочимъ, они пришли въ одно мѣстечко, по имени Мглѣвъ, и оставились у одного изъ тамошнихъ пановъ. На другой день прибывшіе потребовали къ себѣ священника и нѣкоего старика Данила Кушнера на судъ, перваго за то, что будто бы удерживалъ своихъ прихожанъ, когда тѣ хотѣли перейти въ унію, а втораго за кощунство надъ уніатскими св. Дарами. Священника приговорили къ тюремному заключенію, а старика Кушнера къ смертной казни. Казнь надъ Данииломъ положено было произвести за мѣстечкомъ на полѣ. Чтобы внушить православнымъ болѣе страха и заставить ихъ скорѣе переходить въ унію, Мокрыцкій и Вороничъ распорядились со всѣхъ окрестныхъ сель и деревень согнать православныхъ къ мѣсту казни. Когда приказаніе это было исполнено и когда на мѣсто, назначенное для

казни, дѣйствительно собралось болѣе трехъ тысячъ чело-
вѣкъ, то привели семидесятилѣтняго Данила, привязали
его къ столбу, обвили руки паклею, обложили всего соломой
и зажгли; старикъ отъ великой боли застоналъ и закричалъ:
„Господи Боже мой! что сіе подалъ ми еси, но воля Твоя
святая да будетъ на мнѣ; пріими духъ мой съ миромъ!“
Потомъ, взглянувъ на плачущій народъ, сказали: „право-
славные христіане, не вѣрьте вы уніатамъ, они прокляты и
вѣра ихъ проклята!“ Говорятъ, поляки отъ этихъ словъ
смугились, хотѣли было прекратить казнь и освободить
страдальца отъ мученій; но бывший тутъ уніатскій протопопъ
Гдышицкій настоялъ на томъ, чтобы Данилу отрубили
голову, которую, затѣмъ, прибили гвоздемъ къ высокому
столбу „для внушенія схизматикамъ страха и ужаса“, тѣло
же сожгли ¹⁾.

Объ этихъ ужасахъ доведено было до свѣдѣнія императ-
рицы Екатерины II. Императрица опять дала знать своему
послу въ Варшавѣ Репнину, чтобы тотъ силою заставилъ
польскій сеймъ дать диссидентамъ одинаковыя права съ
католиками.

Вслѣдствіе этого, по настоянію Репнина, въ началѣ ноября
1766 г. снова былъ созванъ сеймъ. Но лишь только изло-
жены были требованія русскаго правительства, какъ снова
поднялись страшные крики: предложеніе съ угрозами и бранью
было отвергнуто. [Больше всѣхъ кричали и дѣйствовали на
сеймъ противъ дарованія правъ диссидентамъ папскій нун-
цій Висконти и краковскій епископъ Солтыкъ ²⁾]. Мало того—
эти два лица добились отъ сейма новыхъ стѣснительныхъ
мѣръ для православныхъ. Сеймъ разошелся.

¹⁾ Подробности объ этомъ см. въ докторской диссертациі профессора
М. О. Козловича подъ заглавіемъ: „Исторія возсоединенія уніатовъ старыхъ
временъ“ 1873 г.—О положеніи православныхъ въ Польшѣ въ XVII ст.
см. въ сочиненіи профессора Кіевского университета В. Б. Антоновича,
подъ заглавіемъ: „Очеркъ состоянія православной церкви въ Юго-Запад-
ной Россіи въ половинѣ XVII до конца XVIII ст.“, или же мое сочиненіе,
„Исторія Литовскаго государства“ стр. 500—520 и 536—554.

²⁾ Кульжинскій, стр. 179.

Снова дали знать русской императрицѣ. Императрица пришла въ страшное раздраженіе и сейчасъ же написала Репнину: „прошу васъ, господинъ посоль, во что бы то ни стало, добиться правъ для диссидентовъ, а если поляки опять будутъ упорствовать, то скажите, что я населю ими Сибирь“.

Между тѣмъ диссиденты, вслѣдствіе постановленія послѣдняго сейма, составили изъ себя двѣ вооруженныя конфедерации ¹⁾: православныя—въ Слупцкѣ, а протестанты—въ Торнѣ, при чемъ тѣ и другіе заявили, что будутъ добиваться себѣ правъ силою оружія. Въ то же время сами католики составили изъ себя много конфедераций въ разныхъ мѣстахъ Литвы и Польши и съ совершенно различными цѣлями: однѣ конфедерации провозглашали истребленіе Чарторыйскихъ; другія требовали низверженія короля, третьи—уничтоженія „Liberum veto“, четвертыя—самыхъ жестокихъ преслѣдованій диссидентовъ, но были и такія конфедерации, которыя составились съ цѣлю грабежа. Всѣхъ конфедераций въ сіе время въ Рѣчи Посполитой было около 200.

Словомъ, въ Польшѣ въ это время царствовалъ страшный хаосъ: Рѣчь Посполитая, видимо, гибла отъ внутренней неурядицы.

Но всѣмъ этимъ хаосомъ отлично воспользовался русскій посоль Репнинъ: силою своего ума и неустрашимой энергіи онъ связалъ всѣ эти мелкія конфедерации въ одну общую конфедерацию, такъ называемую „Радомскую“; далъ ей въ предводители Радзивилла и уговорилъ идти ее въ Варшаву, чтобы тамъ просить правительство созвать сеймъ съ цѣлю уничтожить постановленіе послѣдняго сейма (ноябрьскаго) и дать православнымъ одинаковыя права съ католиками.

Въ сентябрѣ 1767 г. Радомская конфедерация, дѣйствительно, явилась въ Варшаву и сейчасъ же заставила правительство созвать сеймъ. 5-го октября сеймъ открылся. Но

¹⁾ Въ царствованіе послѣднихъ трехъ королей въ Польшѣ вошло въ обыкновеніе знатными панами составлять изъ мелкой шляхты такъ называемыя „конфедерации“, или вооруженные союзы, съ цѣлю добиваться на сеймахъ такого рода постановленій, которыя бы удовлетворяли ихъ личной пользѣ. И вотъ по примѣру ихъ и диссиденты поступили.

какъ только поднялся вопросъ о диссидентахъ, снова крики и снова ругательства. Тогда Репнинъ, опираясь на конфедераторовъ, арестовалъ главныхъ крикуновъ: краковскаго епископа Казтана Солтыка, кувяскаго епископа Золуцкаго и двухъ пановъ Ржевускихъ—отца и сына. Послѣ этого сеймъ притихъ, приемирѣлъ и, въ заключеніе, исполнилъ требованіе русскаго посла: диссидентамъ дали одинаковыя права съ католиками. 15 февраля 1768 сеймъ разошелся.

Но не прошло и трехъ мѣсяцевъ послѣ закрытія сейма, какъ въ г. Борѣ изъ католиковъ составилаь конфедерация съ цѣлю лишить православныхъ дарованныхъ правъ. Главными дѣятелями этой конфедерации были два лица: каменецъ-подольскій епископъ Адамъ Красинскій и староста Казимиръ Пулавскій. Оба они тайно отъ короля и Репнина объѣхали всю Рѣчь Посполитую, возбуждая народъ противъ православныхъ. Вслѣдствіе этого опять началось преслѣдованіе православныхъ. Тогда на защиту ихъ возстали казаки подѣ начальствомъ двухъ удалцовъ Желѣзняка и Гонты. На ихъ кличъ собрались десятки тысячъ крестьянъ. Началась страшная расправа съ панами, ксендзами и жидами: ихъ вѣшали, топили, сдирали кожу съ живыхъ, четвертовали и т. п.

Жидаы, паны и ксендзы обезумѣли отъ страха: всѣ думали, что настали времена Хмельницкаго. Самое польское правительство, во главѣ съ королемъ, растерялось и не знало, что дѣлать. Оправившись немного отъ страха, оно немедленно обратилось къ русской императрицѣ Екатеринѣ II съ просьбою прислать войско для усмиренія казаковъ, конфедератовъ и водворенія порядка въ Польшѣ. Екатерина Великая исполнила желаніе польскаго правительства: русское войско подѣ начальствомъ Суворова 1770 г. вступило въ предѣлы Рѣчи Посполитой. Въ короткое время Суворовъ усмирилъ казаковъ и затѣмъ сталъ наносить пораженіе конфедератамъ. Испуганные конфедераты обратились за помощью къ Франціи. Французскій министръ Шуазель отправилъ въ Польшу нѣскольکو офицеровъ подѣ начальствомъ знаменитаго Дюмурье. Но французы нашли въ Польшѣ такой безпорядокъ, что рассчитывать на успѣхъ не было никакой возможности. Обо всемъ этомъ Дюмурье донесъ Шуазелю. Вотъ подлинныя слова Дюмурье: „Я ничего подобнаго не видалъ въ Европѣ,

что вижу въ Польшѣ: нравы вождей конфедератовъ чисто азіатскіе. Изумительная роскошь, безумныя издержки, длинныя обѣды, игры, пляски, — вотъ ихъ занятія. Они думали, что я привезъ имъ цѣлыя сокровища на ихъ пьянство и безобразіе, и пришли въ отчаяніе, когда узнали, что я не имѣю денегъ. Войска у нихъ около 16000, но въ немъ нѣтъ никакой дисциплины, никакого порядка, и вдобавокъ оно еще безъ всякаго вооруженія. Войско это находится подъ начальствомъ восьми, или девяти вождей, но всѣ они несогласны между собою, подозрѣваютъ другъ друга и нерѣдко ссорятся и дерутся одинъ съ другимъ, а о спасеніи отечества и не думаютъ. У нихъ нѣтъ ни одной крѣпости. Конфедераты нападаютъ на своихъ, грабятъ крестьянъ и бьютъ ихъ до смерти. Я, писалъ въ своемъ донесеніи Дюмурье, среди конфедератовъ не нашелъ ни одного порядочнаго человѣка, за исключеніемъ литвина Богуша; главный распорядитель конфедерации—князь Радзивиллъ—совершенное животное“. Въ заключеніе, Дюмурье просилъ Шуазеля не высылать болѣе пенсій вождямъ конфедератовъ, потому что это значило бы даромъ бросать деньги ¹⁾. Черезъ три мѣсяца Дюмурье уѣхалъ обратно во Францію.

Между тѣмъ Суворовъ продолжалъ наносить пораженіе конфедератамъ: 1771 г. 23 сентября онъ уничтожилъ главныя силы конфедератовъ (Огинскаго), а къ началу 1772 г. вся Польша была успокоена. Такимъ образомъ Суворовъ менѣе чѣмъ въ годъ усмирить Польшу; оно впрочемъ и не удивительно: тамъ, собственно говоря, не было серьезнаго возстанія, да оно и не могло быть, такъ какъ масса (народъ) въ Рѣчи Посполитой оставалась равнодушна къ оборонѣ своего отечества. Законами и обычаями это почетное дѣло возлагалось на одну шляхту, а шляхетское сословіе въ сіе время нравственно разлагалось и потому не въ состояніи было бороться съ русскою націею, крѣпкою своими духовными силами.

Въ то время какъ въ Рѣчи Посполитой происходили вышеозначенныя событія, Австрія (въ это время въ Австріи была

¹⁾ Соловьевъ. „Паденіе Польши, стр. 95, 96 и 97.

императрица Марія-Терезія) заняла своими войсками два староства, при чемъ съ 500-ми деревень захватили богатя соляныя копи „Бохнію“ и „Величку“. На вопросъ пословъ русскаго и прусскаго австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ Тугутъ отвѣтилъ, что эта земля искони принадлежала Венгріи, только въ 1412 г. Польша захватила ихъ неправильно ¹⁾. Послы не протестовали, только Фридрихъ II подъ предлогомъ защиты своихъ владѣній отъ морового повѣтрія, свирѣпствовавшаго въ Южной Польшѣ, занялъ своими войсками именно ту часть Польшы, которая больше всего ему нужна была. Екатерина II, узнавши объ этомъ, выразила свое неудовольствіе прусскому послу при русскомъ дворѣ графу Сольмсу, при чемъ прямо сказала, что это похоже на раздѣлъ Польшы. Когда эти слова русской императрицы дошли до свѣдѣнія Фридриха II, то онъ немедленно послалъ въ Петербургъ своего брата Генриха съ цѣлію склонить Россію къ согласію на раздѣлъ Польшы. Генрихъ принятъ былъ ласково. По этому поводу въ Петербургѣ устроено было нѣсколько торжествъ. Начались переговоры о раздѣлѣ Польшы, пригласили Австрію. 14 іюня 1772 г. актъ о раздѣлѣ Польшы былъ подписанъ тремя державами и затѣмъ русскимъ посломъ Штакельбергомъ (Репнинъ въ это время былъ отозванъ) представленъ сейму. Представленіе это какъ громомъ поразило членовъ сейма.—„Это грабежъ, а не завоеваніе“ закричали они. „Да, это правда, мы не вели съ вами войны“, сказалъ Штакельбергъ, „но откажитесь подписать договоръ, и война будетъ“.—

„Но мы вести войны не можемъ: у насъ нѣтъ ни денегъ, ни войска“.—

„Это ваше дѣло, а не наше“.—

„Но мы будемъ жаловаться Европѣ“, закричали поляки.

— „Жалуйтесь. Но не забудьте, что три державы: Россія, Пруссія и Австрія сильнѣе Европы; эти державы сокрушаютъ и Европу“—спокойно отвѣтилъ русскій посоль.

Пошумѣли, покричали поляки и подписали договоръ ²⁾. Правда, они жаловались Европѣ, но Европа не обратила на

¹⁾ Соловьевъ, стр. 129.

²⁾ Недавно въ архивахъ найденъ документъ, выданный императрицею Екатериною II брату Фридриха II, Генриху, по его просьбѣ. Въ этомъ до-

это никакого вниманія. Напротивъ, многіе западныя ученые, и литераторы, какъ, напримѣръ, Вольтеръ и аббатъ Мабли, въ высшей степени сочувственно встрѣтили этотъ раздѣлъ какъ торжество свободы надъ религіознымъ фанатизмомъ ¹⁾.

По этому раздѣлу Россія получила Бѣлоруссію, Австрія—Галицію, а Пруссія—Померанію (безъ Гданска и Торна), именно ту часть Польши, которая лежала между Бранденбургскимъ курфюршествомъ и Прусскимъ герцогствомъ.

Послѣ перваго раздѣла, Польша представляла изъ себя еще довольно сильное государство: въ ней было 10,000,000 жителей и 10000 квадратныхъ миль. Она была больше тогдашняго Прускаго королевства и равнялась Франціи. Ей стоило бы только нѣсколько лѣтъ покоя и „она скоро забыла бы“, по справедливому замѣчанію Щебальскаго, „нанесенныя ей раны“. Но въ томъ-то и дѣло, что поляки, благодаря особенностямъ своего характера, послѣ перваго раздѣла, не только не успокоились, но еще съ большею силою начали волноваться, ссориться и драться. Въ сіе время въ Рѣчи Посполитой, подобно тому какъ было до перваго раздѣла, образовалось нѣсколько партій. Самая сильная и безпокойная партія была Браницкихъ и Чарторыйскихъ. Эта партія составляла страшную оппозицію королю и министрамъ. Благодаря этой партіи, правительство Рѣчи Посполитой не могло приступить ни къ какимъ реформамъ. Вслѣдствіе этого, оно должно было обратиться къ русекой императрицѣ съ просьбою прислать войско для смиренія оппозиціи. Екатерина II съ большимъ трудомъ согласилась на это.

Благодаря прибытію русскихъ войскъ, король и министры, дѣйствительно, произвели нѣсколько улучшеній во внутреннемъ управленіи Польши. Затѣмъ въ 1776 г. созданъ былъ

кументъ, между прочимъ, говорится: „Принимая во владѣніе Бѣлорусскую губернію, я считаю своимъ долгомъ выразить вашему королевскому высочеству благодарность за заботы въ семъ великомъ дѣлѣ (раздѣлъ Польши), виновникомъ котораго вы можете считаться первымъ“.

¹⁾ Мабли въ 1793 г. написалъ любопытную книгу подъ заглавіемъ „О правительствѣ и законахъ Польши“. Выдержку изъ этого сочиненія см. въ статьѣ профессора Карѣева „Паденіе Польши въ исторической литературѣ“—помѣщенной въ журн. Мин. Нар. Просвѣщенія за 1888 г.

сеймъ,—этотъ сеймъ былъ одинъ изъ дѣльныхъ сеймовъ: онъ (опять же, впрочемъ, благодаря Россіи) произвелъ многія реформы внутри государства ¹⁾. Но все это скоро было разрушено оппозиціею. Король и министры жаловались Россіи, но Россія не могла помочь польскому правительству: она въ это время начала войну съ Турціей за Крымъ и при томъ въ началѣ не выполнѣ удачную.

Между тѣмъ оппозиція, т. е. партія Браницкихъ и Чарторыйскихъ, пользуясь невмѣшательствомъ Россіи, начала смѣлѣе дѣйствовать. Она скоро сдѣлалась безконтрольнымъ хозяиномъ въ Рѣчи Посполитой и, опираясь на сочувствіи большинства интеллигенціи, рѣшилась уничтожить вліяніе Россіи въ Польшѣ, которое, послѣ перваго раадѣла, дѣйствительно, сдѣлалась очень значительнымъ въ Рѣчи Посполитой. Чтобы вѣрнѣе достигнуть этого, партія Радзивилла и Браницкихъ завела сношеніе съ прусскимъ королемъ Фридрихомъ II. Прусскій король сильно обрадовался этому: онъ составилъ себѣ планъ снова увеличить свои владѣнія на счетъ Польши, и при томъ такъ, чтобы Рѣчь Посполитая не только за это не обидилась, но напротивъ осталась еще благодарною Пруссіи, именно: Фридрихъ II думалъ предложить Польшѣ получить обратно Галицію отъ Австріи и часть Бѣлорусіи отъ Россіи, а себѣ за это взять

1) I. На этомъ сеймѣ, несмотря на поддержку Россіи, не прошла одна весьма важная реформа, именно: улучшение положенія крестьянъ „быдла“. Проектъ объ этомъ представленъ былъ сейму знаменитымъ Сташицемъ (онъ извѣстенъ освобожденіемъ своихъ крестьянъ) и графомъ Замоискимъ: „Но, говоритъ Целевель, лишь только прочитанъ былъ этотъ проектъ, какъ старосты, воеводы, гетманы, маршалы, папскій нунцій—все воистаи противъ этого проекта и самаго Сташица съ Замоискимъ объявили измѣнниками отечеству, а проектъ ихъ заслуживающимъ публичнаго сожженія“. А чего собственно Сташицъ и Замоискій хотѣли? Сгладить нѣсколько рѣзкія различія между крестьянскимъ сословіемъ и дворянскимъ; облегчить положеніе крестьянъ, уменьшить подати, дать имъ право предъ судомъ защищать свои интересы, получить первоначальное образованіе,—вотъ и все.

II. Если кто желаетъ хотя немного познакомиться съ положеніемъ крестьянъ въ Польшѣ въ XVIII ст., то мы рекомендуемъ прочесть предисловіе къ II т. VI части Архива Юго-Западной Россіи, написанное профессоромъ В. Б. Антоновичемъ, подъ заглавіемъ „Исслѣдованіе о крестьянахъ Юго-Западной Россіи“.

единственныя двѣ польскихъ гавани на Вислѣ Данцигъ и Торнѣ. Конечно, это былъ фантастическій планъ: чтобы возвратить Польшѣ Галицію и Бѣлоруссію—сначала нужно взять ихъ отъ Россіи и Австріи, а какъ же это сдѣлать? Добровольно вѣдь онѣ не отдадутъ. Но Фридрихъ II Великій, какъ гениальный человѣкъ, отлично понималъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло, понималъ увлекающуюся натуру поляковъ и ихъ горячія головы; поэтому онъ находилъ, что полякамъ достаточно пообѣщать Галицію и Бѣлоруссію и они воображать, что это дѣло уже рѣшенное и безъ всякихъ разсужденій уступятъ ему просимое. По этому поводу начались частые переговоры Фридриха II съ Польшею.

Въ то время, какъ шли вышеозначенные переговоры Пруссіи съ Польшею, русскій посоль при варшавскомъ дворѣ Штакельбергъ получилъ приказаніе изъ Петербурга заключить союзъ съ Польшею, чтобы совмѣстно дѣйствовать противъ турокъ. Вслѣдствіе этого, русскій посоль немедленно приступилъ къ выполненію предписаннаго приказанія, но оказалось, что заключеніе договора, благодаря интригамъ прусскаго двора, сдѣлать было невозможно: поляки были враждебно настроены противъ Россіи. Впрочемъ, Штакельбергъ не упалъ духомъ: онъ ожидалъ открытія сейма, чтобы на сеймѣ у депутатовъ просить союза Россіи съ Польшею.

Въ сентябрѣ 1788 г. сеймъ открылся. На этотъ сеймъ явились: русскій посоль Штакельбергъ и прусскій—баронъ Бухгольцъ, оба съ предложеніемъ союза. Но русскій посоль, видя грозное настроеніе депутатовъ, не рѣшился приступать къ переговорамъ о союзѣ. Предложеніе же прусскаго посла было принято съ восторгомъ. Всѣ называли прусскаго короля другомъ Польши, защитникомъ интересовъ Польши и даже спасителемъ упадающей Польши, а Россію—главнымъ врагомъ. Въ это время, какъ видно изъ донесеній русскаго посла въ Петербургъ, на польскомъ сеймѣ по адресу Россіи и русской императрицы произнесено было много оскорбительныхъ словъ. Чтобы окончательно уничтожить вліяніе Россіи въ Польшѣ и отнять у нея Бѣлоруссію, на этомъ сеймѣ, по предложенію серадскаго старосты Валевскаго и одобренію барона Бухгольца, между прочимъ, положено

было увеличить въ Польшѣ войска до 100,000. Взывъ рукоплесканій, слезы, объятія были слѣдствіемъ принятія сего предложенія. „Всѣ ликовали, говоритъ профессоръ Соловьевъ, какъ будто бы стотысячная армія уже маневрировала подъ стѣнами Варшавы и Европа съ уваженіемъ смотрѣла на Польшу. Никто не подумалъ о бездѣлицѣ: чѣмъ содержать стотысячную армію—доходы государства простирались до 18000000 злотыхъ, а на одно содержаніе стотысячной арміи потребовалось бы 50000000!“

Обо всемъ этомъ доведено было до свѣдѣнія русской императрицы Екатерины Великой. Занятая въ сіе время двумя войнами—съ Турціею и Швеціею, русская императрица не могла ничего предпринять противъ Польшы. Она написала только Штакельбергу, чтобы тотъ какъ можно болѣе старался ладить съ поляками, прибавивши: „будетъ время, и я возвышу тонъ въ Польшѣ“.

Между тѣмъ поляки, подстрекаемые Пруссіею, все болѣе и болѣе оскорбляли Россію: они запретили русскимъ войскамъ переходить чрезъ польскую границу, обвинили русскую императрицу въ тайномъ подстрекательствѣ польскихъ хлоповъ противъ ихъ пановъ, арестовали православнаго епископа Виктора Садковскаго и, въ заключеніе, потребовали было высылки изъ Варшавы русскаго посла Штакельберга. Словомъ, оскорбленій масса была нанесена Россіи.

Считая Штакельберга отчасти виновникомъ въ семь раздраженій поляковъ противъ Россіи, императрица Екатерина II отозвала этого посла и вмѣсто его назначила посломъ при варшавскомъ дворѣ Булгакова. Но отношенія съ Польшею не улучшились: оскорбленія продолжались попрежнему. Но Россія терпѣливо сносила ихъ: она ожидала случая, когда поляки сами перессорятся между собою и обратятся къ ея посредничеству. И, дѣйствительно, дождалась.

Въ это время въ Польшѣ образовалась такъ называемая „либеральная партія“, которая, подъ вліяніемъ французскихъ идей, задумала преобразовать свое отечество. Въ апрѣлѣ 1791 г. эта партія, воглавѣ которой были: Игнатій Потоцкій, Малаховскій, Колонтай и Сапѣга, внесла свой проектъ въ сеймъ. Но сеймъ отвергъ этотъ проектъ. Либеральная партія не смутилась: наступали пасхальныя каникулы, члены

сейма разѣхались по домамъ на праздники, уѣхала и либеральная партія, но уѣзжая изъ Варшавы, она положила возвратиться въ городъ на сеймъ въ понедѣльникъ на Оминой недѣлѣ, зная хорошо, что противники проекта, не подозрѣвая сговора, не пріѣдутъ такъ рано: противники проекта могутъ пріѣхать спустя дня три — четыре, какъ прежде бывало, а между тѣмъ она, т. е. либеральная партія, тѣмъ временемъ успѣетъ открыть сеймъ и совершить реформу.

Понедѣльникъ Оминой недѣли какъ-разъ приходился 3-го мая. Партія, желавшая реформы, въ этотъ день вся, цѣликомъ, явилась на сеймъ, въ числѣ 100 человекъ; правда, явились и противники, но только въ числѣ 40 человекъ (всѣхъ членовъ сейма слѣдовало-бы быть 327, — слѣдовательно, 177 членовъ не явилось еще изъ отпуска). Лишь только явился король и объявилъ засѣданіе открытымъ, какъ выступили Колонтай и Сапѣга и внесли проектъ о преобразованіи государства. Члены противной партіи, какъ и слѣдовало ожидать, протестовали. Тогда выступилъ Игнатій Потоцкій; онъ вынулъ изъ кармана двѣ депеши, полученныя будто-бы изъ Гаги и Петербурга, и прочиталъ вслухъ. Въ этихъ депешахъ, между прочимъ, сказано было, что Россія замышляетъ новый раздѣлъ Польши ¹⁾. Страшный взрывъ негодованія пронесся по всей залѣ сейма. „Что же дѣлать?“ закричали всѣ. „Принять проектъ и мы спасены: за насъ тогда и вся Европа.“ Проектъ принять. Вотъ суть его: а) свобода вѣроисповѣданія; б) королевская власть наследственная; в) „*Libertum veto*“ уничтожается; г) сословія равны и т. п. ²⁾

Преобразование Польши, совершившееся 3-го мая 1791 г., извѣстно въ исторіи подъ именемъ „конституціи 3-го мая“.

Дней пять спустя, послѣ провозглащенія конституціи 3-го мая, собрались и остальные члены сейма. Они съ ужасомъ узнали о „конституціи 3-го мая“. Немедленно удалились съ

¹⁾ Дешеши эти были подложныя, онѣ сфабрикованы въ Варшавѣ. См. Соловьева „Паденіе Польши, стр. 242, примѣчаніе.

²⁾ Подробности см. въ статьѣ профессора Карѣва „Историческій очеркъ польскаго сейма“.

сейма въ г. Торговицу (Кіевской губер.) и тамъ составили такъ называемую „Торговицкую конфедерацію“ съ цѣлію уничтожить „конституцію 3-го мая“. Во главѣ недовольныхъ стали: гетманъ Браницкій, Феликсъ Потоцкій и панъ Ржевусскій.

Въ высшей степени остались недовольны „конституціею 3-го мая“ въ Пруссіи. Пруссія осталась недовольна этою конституціею потому, что въ случаѣ установленія твердаго порядка въ Польшѣ (что при утвержденіи „конституціи 3-го мая“ дѣйствительно могло-бы случиться), она не получила бы Данцига и Торна. По этому случаю прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ II (Фридрихъ Великій въ это время уже умеръ) снесся съ Австріею, но оказалось, что Австрія сочувственно относится къ „конституціи 3-го мая“. Тогда прусскій король обратился къ Россіи; тамъ онъ нашелъ полное сочувствіе своему неудовольствію и вслѣдствіе этого между Пруссіею и Россіею состоялось тѣсное сближеніе. Сближенію этому много помогла еще вспыхнувшая революція во Франціи: Пруссія страшно боялась какъ бы революціонныя войска Франціи не вторглись въ западныя провинціи ея.

Между тѣмъ, партія, недовольная „конституціею 3-го мая“, снарядила два посольства; одно въ Римъ къ папѣ съ жалобою, а другое къ русской императрицѣ съ просьбою прислать войска для усмиренія противной партіи и уничтоженія самой конституціи. Эта просьба какъ разъ совпадала съ блестящимъ окончаніемъ войны Россіи съ Турціею за Крымъ.

Теперь, дѣйствительно, наступила пора для русской императрицы „возвысить тонъ въ Польшѣ“ и отомстить ей за всё оскорбленія.

Въ началѣ мая 1792 г. двѣ русскихъ арміи—одна подъ начальствомъ генерала Кречетникова, а другая подъ начальствомъ Каховскаго вступили въ предѣлы Рѣчи Посполитой „для возвышенія русскаго тона“, о чемъ Булгаковъ и довелъ до свѣдѣнія польскаго правительства. Поляки страшно перепугались. Въ то же время получено было извѣстіе изъ Рима, что и тамъ въ высшей степени остались недовольны „конституціею 3-го мая“ (недовольны остались собственно свободою вѣроисповѣданія, положенною по конституціи) и святой отецъ—папа хотѣлъ даже наложить интердиктъ на Польшу.

Въ виду этихъ грозныхъ обстоятельствъ, поляки обратились къ прусскому королю, но не были приняты: чрезъ канцлера Шульберга имъ данъ былъ полнѣйшій отказъ. Изъ Берлина они бросились въ Вѣну, но и тамъ потерпѣли неудачу. Поляки остались одни.

Предоставленные собственнымъ силамъ, они рѣшились безъ союзниковъ драться съ русскими. Вступая въ борьбу, поляки едва могли собрать 40000 войска, которое вручили двумъ предводителямъ: племяннику короля Иосифу Понятовскому и генералу Костюшкѣ. Но такъ какъ польская армія была почти не дисциплинирована и плохо вооружена, то при встрѣчѣ съ русскими войсками, которыхъ было болѣе 100000, постоянно терпѣла поражение. Самая упорная битва была недалеко отъ Буга, при деревнѣ Дубенкахъ. Поляки, предводительствуемые Костюшкою, бились храбро, но, благодаря численности русскаго войска и лучшему вооруженію, были разбиты. Въ продолженіе какихъ-нибудь трехъ мѣсяцевъ русскіе взяли Вильну, Ковну, Гродну и, наконецъ, 10-го августа—Варшаву.

Послѣ этого новый раздѣлъ Польшы былъ рѣшенъ. На этотъ разъ онъ произошелъ только между двумя державами Россію и Пруссію. По сему раздѣлу Россія получила области Волынскую, Подольскую и Минскую, а Пруссія—Данцигъ и Торнъ съ ихъ округами, т. е. она получила то, чего желала.

Для формальнаго подтвержденія сего раздѣла изъ польско-литовскихъ депутатовъ созданъ былъ сеймъ въ Гроднѣ. Уполномоченнымъ съ стороны Россіи явился Сиверсъ (заступившій мѣсто Булгакова), а Пруссіи—баронъ Бухгольцъ. 13 сентября 1793 г. открылось засѣданіе по сему вопросу. Предложеніе Россіи относительно уступки областей Волынской, Подольской и Минской не встрѣтило почти никакого возраженія. Но лишь только коснулось дѣло объ уступкѣ Пруссіи Торна и Данцига, то поднялся страшный шумъ и стукъ сабель, а затѣмъ крикъ; „Господа сеймовые члены! прусскій король проситъ у насъ земли: дадимъ ему столько, сколько нужно для его могилы“. Поляки, дѣйствительно, имѣли полное право волноваться: къ Пруссіи отходили кровныя земли

Польши. Сиверсъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ силѣ: онъ арестовалъ нѣкоторыхъ безпокойныхъ членовъ. Испуганный сеймъ просилъ позволенія отложить рѣшеніе сего вопроса до слѣдующаго дня, ссылаясь на свое утомленіе. Это имъ было позволено. Сеймовые члены, какъ послѣ сдѣлалось извѣстнымъ, хотѣли воспользоваться темнотою ночи, {чтобы уѣхать домой, но это оказалось невозможнымъ: вся Гродна была оцѣплена русскими войсками. На слѣдующій день, это было 14 сентября, сеймовые члены волею, или неволею опять собрались на засѣданіе. Когда пріѣхалъ Сиверсъ и потребовалъ утвержденія за Пруссією взятыхъ ею земель по второму раздѣлу, то произошла смѣшная и въ то же время въ высшей степени любопытная сцена: ни одинъ изъ депутатовъ на это не сказалъ ни слова—всѣ сидѣли какъ окаменѣлые: ясно было, что они думаютъ отмолчаться. Но Сиверсъ на эту выходку членовъ сейма заявилъ, что не выпуститъ ихъ изъ залы до тѣхъ поръ, пока они не исполнятъ того, что отъ нихъ требуется. Прошелъ день—молчаніе, настала ночь—молчаніе; пробила полночь—молчаніе, вдругъ въ три часа ночи раздался голосъ Аквичча, депутата краковскаго: „молчаніе есть согласіе“. Тогда сеймовый маршалъ Бѣлинскій, воспользовавшись этою оригинальною развязкою, спросилъ депутатовъ сейма, уполномочиваютъ ли они утвердить за Пруссією тѣ земли, которыя она взяла себѣ, и когда, послѣ троекратнаго вопроса, не получилъ отвѣта, то громко произнесъ: „Сеймъ единогласно изъявилъ свое согласіе на желаніе Пруссіи“. Тѣмъ и кончилась эта комедія.

Такъ произошелъ второй раздѣлъ Польши.

На другой день съ Россією заключенъ былъ отдѣльный договоръ, по которому Польша не имѣла права ни начинать войны, ни заключать мира, ни сноситься по дѣламъ политическимъ безъ согласія Россіи. Она не имѣла права безъ согласія Россіи даже совершать реформы внутри своего государства. Этотъ договоръ, очевидно, ставилъ Польшу въ вассальную зависимость отъ Россіи. А чтобы поляки добросовѣстно исполняли этотъ договоръ, въ Польшѣ оставлено было русское войско. Такъ въ Варшавѣ оставлено русское войско подъ начальствомъ генерала Игельштрома, а въ

Вильнѣ—генерала Арсеньева, литовскаго гетмана Коссаковскаго и майора Тучкова ¹⁾).

Послѣ второго раздѣла, Польша имѣла около 500000 жителей, равнялась нынѣшнему Румынскому королевству, а по территоріи—вдвое превышала его. При хорошемъ правленіи и внутреннемъ спокойствіи она и послѣ двухъ раздѣловъ могла бы достигнуть цвѣтущаго состоянія, если не политическаго, то во всякомъ случаѣ экономическаго. Но горячей польской натурѣ трудно было спокойно переносить такую тяжкую утрату, какую она понесла вслѣдствіе первыхъ двухъ раздѣловъ Польши, а потому не прошло и трехъ мѣсяцевъ послѣ нѣмого Гродненскаго сейма, какъ въ Варшавѣ, тайно отъ русскаго правительства и безъ вѣдома собственнаго, образовался революціонный кружокъ съ цѣлю возстановить Рѣчь Посполитую въ предѣлахъ 1772 г. Во главѣ этого кружка стали: графъ Дзялыньскій, купеческій старшина Капостасъ, Макрановскій, инженеръ Ясинскій, Колонтай, Во-вржецкій, Закржевскій, Игнатій Потоцкій и бапмачникъ Килинскій. Изъ нихъ самыя дѣятельныя были: Дзялыньскій, Капостасъ и Килинскій, особенно послѣдній. ²⁾ На одномъ изъ тайныхъ засѣданій кружокъ этотъ избралъ Костюшку предводителемъ возстанія и облекъ его диктаторскою властью и наименовалъ генералиссимусомъ. Костюшка въ это время жилъ въ Саксоніи, въ Дрезденѣ (сюда онъ удалился послѣ пораженія при Дубенкахъ), туда къ нему и отправлено было посольство, состоящее изъ Дзялыньскаго и Капостаса. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, Костюшка принялъ предложеніе. Въ первыхъ числахъ марта 1794 г. Костюшка съ Дзялыньскимъ и Капостасомъ переѣхалъ въ Краковъ. Тутъ онъ началъ формировать войска. Въ три недѣли сформированъ былъ отрядъ тысячъ въ семь, въ составъ котораго, между прочимъ вошло 5000 крестьянъ, вооруженныхъ косами. Къ этому не-

¹⁾ Тучковъ былъ начальникомъ артиллерійскаго парка въ Вильнѣ, который находился на предмѣстьи „Погулянь“.

²⁾ Килинскій родомъ изъ Познани; въ Варшаву пріѣхалъ въ 1780 г. и тутъ открылъ лавку съ дамскими бапмаками. Отличаясь красивою наружностью, ловкостью и краснбайствомъ, Калинскій скоро пріобрѣлъ большую извѣстность среди варшавскихъ дамъ, разбогатѣлъ, купилъ два каменныхъ дома и сдѣлался членомъ магистрата.

Большому отряду скоро присоединился полковникъ Мандолинскій съ цѣлою вооруженною бригадою польскихъ войскъ, тысячи въ двѣ. Такимъ образомъ у Костюшки образовался корпусъ тысячъ въ девять или десять. 24-го марта Костюшка выступилъ изъ Кракова. Недалеко отъ города, близъ деревни Рацловиць, польскій „диктаторъ“ встрѣтилъ небольшой русскій отрядъ подъ начальствомъ генерала Тормасова и разбилъ его. Послѣ этого Костюшка сталъ разсылать универсалы къ польскому народу съ приглашеніемъ его къ возстанію для возстановленія Польши въ предѣлахъ 1772 г. Въ этихъ универсалахъ, между прочимъ, говорилось: „Екатерина II, устраняя всѣ общественныя формы правленія, вмѣстѣ съ клятвопреступнымъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ II, положила истребить самое имя Польши; всѣ роды лжи, измѣны и коварства испробованы ихъ правительствомъ, а потому, забывъ предрасудки и всякое различіе сословій, мы должны соединиться какъ одинъ человѣкъ противъ враговъ“.

Побѣда Костюшки надъ русскимъ генераломъ и его универсалы произвели сильное впечатлѣніе на поляковъ: одинъ за другимъ стали образоваться отряды. Такимъ образомъ въ короткое время у польскаго „генералиссимуса“ появились три корпуса подъ начальствомъ трехъ генераловъ: Сѣраковскаго, Зайончика и Колонтая и множество мелкихъ вооруженныхъ отрядовъ.

Вѣсть о пораженіи Тормасова и универсалы Костюшки нигдѣ не произвели такого сильнаго впечатлѣнія, какъ въ Варшавѣ. Тамъ заговорщики страшно заволновались и засуетились: то и дѣло стали составлять тайныя совѣты, что дѣлать и какъ дѣйствовать? Больше всѣхъ волновался и суетился бапмачникъ Килинскій. Но объ этомъ скоро узналъ генералъ русскихъ войскъ Игельстромъ. Онъ немедленно призвалъ къ себѣ Килинскаго, выругалъ его и хотѣлъ заточить въ крѣпость, но тотъ прикинулся раскаявшимся, наговорилъ въ свое оправданіе кучу всякаго вздора, которому, впрочемъ, генералъ по своей недалекости повѣрилъ и отпустилъ его ¹⁾.

¹⁾ Килинскій оставилъ записки о возстаніи поляковъ въ 1794 г. Въ этихъ запискахъ онъ передаетъ подробно о своемъ пребываніи у генерала Игель-

Возвратившись отъ Игельштрома, Килинскій и его соучастники рѣшились дѣйствовать энергично. Съ этою цѣлію они положили произвести рѣзню русскихъ войскъ какъ въ Варшавѣ, такъ и въ Вильнѣ. Для исполненія этого адскаго замысла заговорщики назначили особый день, именно—четвергъ Страстной недѣли, который приходился на 6-е апрѣля.

Въ Варшавѣ руководителемъ рѣзни избранъ былъ самъ Килинскій, а въ Вильнѣ—инженеръ Ясинскій, куда еще въ началѣ января онъ отправленъ былъ заговорщиками для подготовленія населенія и польскихъ войскъ къ возстанію.

6-го апрѣля 1794 г. въ Великій четвергъ, въ Варшавѣ, дѣйствительно, произведена была рѣзня, какъ положено было заговорщиками. Въ 4 часа утра заговорщики съ преданными имъ польскими войсками напали на одинъ изъ русскихъ карауловъ и истребили его. Затѣмъ началась поголовная рѣзня всѣхъ русскихъ, при чемъ не щадили ни пола, ни возраста. Одинъ русскій баталіонъ перерѣзанъ былъ въ церкви, гдѣ онъ находился для принятія св. Даровъ. Потомъ заговорщики арестовали своего короля Станислава Понятовскаго, министровъ и всѣхъ ихъ заставили присягнуть Костюшкѣ. Вслѣдъ за этимъ они сдѣлали нападеніе на домъ Игельштрома съ цѣлію убить генерала, или же взять его живымъ въ плѣнъ. Игельштромъ два дня отбивался отъ нападавшихъ и только къ вечеру 7 апрѣля, съ опасностью лишиться жизни, проложилъ себѣ путь и вышелъ изъ города. Варшавское возстаніе стоило жизни 5000 русскимъ солдатамъ и 160 офицерамъ.

По удаленіи Игельштрома, въ Варшавѣ изъ заговорщиковъ образовалось временное правительство; во главѣ этого правительства стали: Килинскій, Закржевскій и Макрановскій. Имъ подчинился король и его министры.

Въ Вильнѣ тоже произведена была рѣзня русскихъ, но только не въ одинъ день съ варшавскою, а три дня спустя

штрома и, между прочимъ, слѣдующее: „Когда за мною явился офицеръ звать къ генералу Игельштрому, то я, отправляясь къ нему, захватилъ съ собою кинжалъ, чтобы заколотъ генерала,—но явясъ къ генералу, я страшно перепугался: отъ великаго страха ноги задрожали, забыть про кинжалъ и едва самъ не упалъ“.

послѣ варшавской, именно въ ночь съ 10 апрѣля на 11. Притомъ рѣзня въ Вильнѣ произведена была не въ такихъ размѣрахъ, какъ въ Варшавѣ. Это произошло вслѣдствіе ошибочныхъ дѣйствій инженера Ясинскаго, а главнымъ образомъ отъ предусмотрительности начальника артиллерійскаго полка майора Тучкова. Прибывши въ Вильну, Ясинскій немедленно приступилъ къ дѣлу, т. е. къ подготовкѣ какъ польскаго войска, такъ и населенія къ возстанію. Но вслѣдствіе своей излишней болтовни и открытаго образа дѣйствій, скоро сдѣлался извѣстенъ и по приказанію гетмана Коссаковскаго былъ схваченъ и заключенъ въ тюрьму. Впрочемъ Ясинскій не долго сидѣлъ въ тюрьмѣ: благодаря друзьямъ, онъ скоро былъ выпущенъ на свободу. Послѣ этого, Ясинскій сталъ дѣйствовать тайно. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ—февраля и марта, онъ успѣлъ приготовить къ возстанію какъ войско, такъ и жителей города. На одномъ изъ тайныхъ засѣданій Ясинскій, съ своими преданными друзьями—Хоткевичемъ, Поцѣмъ и Бржестовскимъ, положилъ произвести рѣзню въ Вильнѣ съ 9 апрѣля на 10, т. е. ночью на Свѣтлое Христово Воскресенье подъ понедѣльникъ. За два дня до возстанія, факторъ еврей Гордонъ явился къ начальнику артиллерійскаго полка, находившагося на предмѣстии „Погулянка“, Тучкову и сообщилъ ему о заговорѣ, при чемъ, какъ на доказательство своихъ словъ, указалъ, что на дверяхъ, гдѣ квартируютъ русскіе солдаты, поставленъ знакъ „R. Z.“ съ тою цѣлю, чтобы сдѣлать на нихъ нападеніе и перерѣзать всѣхъ, а надъ его, Тучкова, воротами поставленъ знакъ „NB“. Тучковъ немедленно донесъ объ этомъ генералу русскихъ войскъ Арсеньеву. Но тотъ, по своей безпечности, не обратилъ никакого вниманія на донесеніе Тучкова ¹⁾ и даже очень разсердился, когда тотъ сталъ было настойчиво требовать энергическихъ распоряженій на случай нечаяннаго нападенія заговорщиковъ.

Видя равнодушіе и безпечность генерала, Тучковъ самъ лично, на всякій случай, рѣшился принять нѣкоторыя предосторожности. Съ этою цѣлю онъ назначилъ особые

¹⁾ Относительно знаковъ генералъ сказалъ, что это шалость какихъ-нибудь повѣсь.

сборные пункты для своей команды, вручилъ караульнымъ офицерамъ ключи отъ пороховыхъ ящиковъ и приказалъ имъ имѣть наготовѣ фитили при каждой пушкѣ; въ то же время онъ распорядился, чтобы всѣ солдаты, находившіеся въ городѣ, по первому выстрѣлу, спѣшили къ нему на Погулянку¹⁾. Въ заключеніе послалъ своего расторопнаго фельдфебеля Подгайскаго (впослѣдствіи полковника) въ самый городъ, чтобы наблюдать за поляками и о каждомъ подозрительномъ поступкѣ поляковъ доносить ему, Тучкову.

Между тѣмъ наступилъ первый день Пасхи. Въ 11 ч. вечера инженеръ Ясинскій съ избранными заговорщиками прибылъ въ одинъ изъ садовъ на предмѣстьѣ „Зарѣчьѣ“. Тутъ онъ составилъ планъ нападенія на русскихъ и приказалъ привести артиллерію, принадлежавшую польскимъ войскамъ. Ровно въ 12 ч. ночи раздался пушечный выстрѣлъ, и вслѣдъ затѣмъ ударили въ набатъ по католическимъ костеламъ, забили въ барабаны. Заговорщики — одни съ ружьями, другіе — съ кольями, саблями, пиками и ножами бросились на дома, гдѣ квартировали русскіе солдаты, и началась рѣзня. Майоръ — полякъ Сибецкій съ жолнерами 7-го полка напалъ на гауптвахту, истребилъ караулъ и захватилъ 8 орудій. Въ то же время другіе заговорщики захватили въ плѣнъ коменданта Ребока, полковника Яковлева, пять майоровъ, четырехъ капитановъ, 11 подпоручиковъ, 8 поручиковъ, 12 прапорщиковъ, 964 рядовыхъ и, наконецъ, самого генерала Арсеньева и гетмана Коссаковского. Перваго взяли на Антоколѣ, гдѣ онъ былъ въ гостяхъ въ одномъ польскомъ домѣ, а второго въ самомъ городѣ у себя дома за трубою.

Изъ всѣхъ русскихъ офицеровъ спаслись не болѣе 5 человекъ, въ томъ числѣ и майоръ Тучковъ.

На слѣдующій день Тучковъ собралъ оставшіяся войска, усилилъ ихъ деньщиками и лакеями и съ предмѣстья „Погулянка“ открылъ бомбардированіе по Вильнѣ. Заговорщики обратились къ арестованному генералу Арсеньеву съ прось-

¹⁾ Артиллерійскій паркъ Тучкова, какъ мы выше уже замѣтили, находился на предмѣстьѣ „Погулянка“ и состоялъ изъ 19 пушекъ.

бою, чтобы онъ силою своей власти заставилъ Тучкова прекратить пальбу. Исполняя просьбу мятежниковъ, Арсеньевъ послалъ Тучкову собственноручное письмо съ приказаніемъ прекратить бомбардированіе, но тотъ не послушался и еще болѣе усилилъ огонь. Тогда поляки въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человекъ рѣшились силою заставить Тучкова прекратить пальбу и сдѣлали на него открытое нападеніе, но всѣ легли подъ картечнымъ огнемъ.

Но несмотря на всѣ удачи и храбрость, положеніе Тучкова день ото дня становилось все болѣе и болѣе стѣснительнымъ: съ фронта ему угрожали польскія войска, находившіяся въ городѣ, а съ тылу—корпусъ Гедройца, только что сформированный по распоряженію Костюшки и спѣшившій по Опшмянскому тракту въ Вильну. Къ тому же у Тучкова приходили къ концу съѣстные припасы и боевые снаряды. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, Тучковъ въ четвергъ на Пасхѣ отступилъ къ Понарскимъ высотамъ и затѣмъ направился къ Гроднѣ, гдѣ находились русскія войска подъ начальствомъ Циціанова. На пути на Тучкова напалъ отрядъ поляковъ изъ корпуса Гедройца, но былъ разбитъ. 15 апрѣля Тучковъ съ своимъ отрядомъ и пушками прибылъ въ Гродну, гдѣ, какъ герой, встрѣченъ былъ княземъ Циціановымъ и его войскомъ, съ музыкою и пальбою. Тучковъ за свой подвигъ награжденъ былъ большою суммою денегъ, какъ и весь его отрядъ.

По удаленіи Тучкова, въ Вильнѣ изъ мятежниковъ образовалось „республиканское правленіе“ подъ названіемъ „Литовскій верховный совѣтъ“. Предсѣдателемъ его избранъ былъ инженеръ Ясинскій. Ясинскій въ то же время сдѣланъ былъ и начальникомъ такъ называемыхъ „вооруженныхъ народныхъ силъ“.

Первымъ дѣломъ новаго революціоннаго правительства было преданіе суду гетмана Коссаковскаго, какъ измѣнника отечеству, за преданность Россіи и за арестъ Ясинскаго. Судъ приговорилъ его къ смертной казни чрезъ повѣшеніе. Въ четвергъ на Святой недѣлѣ, 13 апрѣля 1794 г., послѣдній литовскій гетманъ Коссаковскій, при огромномъ стеченіи народа, съ барабаннымъ боемъ, привезенъ былъ на Ра-

тушную площадь, гдѣ уже приготовлена была висѣлица. Затѣмъ прочитанъ былъ приговоръ. Бернардинскій монахъ исповѣдовалъ его. Когда гетманъ поднялся къ висѣлицѣ, то, обратясь къ народу, хотѣлъ что-то сказать, но барабанный бой заглушилъ его слова. Приговоренный къ висѣлицѣ, Коссаковскій кончилъ жизнь самымъ мучительнымъ образомъ: нѣсколько разъ палачъ подымалъ его съ петлею на шеѣ на воздухъ и нѣсколько разъ веревка обрывалась, пока не принесли новую и не покончили съ жертвою.

Между тѣмъ овсемъ случившемся въ Варшавѣ и Вильнѣ донесено было императрицѣ Екатеринѣ II. По распоряженію государыни, въ Польшу немедленно отправлены были три арміи: одна, подъ начальствомъ Фрезена, отправлена была къ Кракову, гдѣ она соединилась съ прусскими войсками ¹⁾; другая, подъ начальствомъ Суворова,—на Волынь и третья, подъ начальствомъ генерала Кнорринга,—въ Литву.

Первый началъ военныя дѣйствія генералъ Кноррингъ; истребивши нѣсколько мелкихъ польскихъ отрядовъ, 8 іюля онъ подступилъ къ Вильнѣ, гдѣ въ это время, по распоряженію Костюшки, повстанными войсками начальствовалъ Хлѣвинскій (заступившій мѣсто престарѣлаго Вильгорскаго, преемника Ясинскаго). Послѣ первыхъ двухъ неудачныхъ попытокъ овладѣть Вильною ²⁾, 11-го августа въ 7 ч. утра русскія войска сдѣлали общій приступъ на укрѣпленія города Вильны. Въ короткое время они овладѣли высотами, находившимися на югъ отъ Остробрамской часовни (Богухвальскими высотами), и стали осыпать картечью самый городъ. Польскія войска не выдержали и вышли изъ города черезъ Зеленый мостъ за р. Вилію. А это такой ужасъ навело на обывателей города, что они отправили депутацію къ генералу Кноррингу съ просьбою о помилованіи. Просьба была благосклонно принята и русскія войска вступили въ городъ. Поляки встрѣтили русскихъ, стоя на колѣняхъ. Кноррингъ, подѣхавъ къ св.-Духовскому монастырю, соскочилъ

¹⁾ Прускія войска явились сюда, какъ только узнали о событіяхъ въ Варшавѣ.

²⁾ Въ одной изъ этихъ попытокъ убить былъ францисканскимъ монахомъ храбрый русскій полковникъ Деевъ.

съ лошади, поцѣловаль крестъ, поднесенный ему игуменомъ монастыря, и затѣмъ, обратившись къ полякамъ, стоявшимъ на колѣняхъ, громко сказалъ: „Императрица Екатерина объявляетъ всѣмъ прощеніе,—встаньте!“ Поляки встали и закричали „вивать“, а потомъ бросились къ русскому генералу и русскимъ офицерамъ и стали у нихъ цѣловать стремяна. Возстаніе въ Литвѣ кончилось ¹⁾).

Вслѣдъ за военными дѣйствіями генерала Кнорринга въ Литвѣ начались дѣйствія русскихъ войскъ въ самой Польшѣ, именно, подъ Краковомъ. 6 іюня русскій генераль Фрезень, въ соединеніи съ прусскимъ войскомъ подъ начальствомъ генерала Фавра (сюда потомъ скоро прибылъ и самъ прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ II), напалъ при мѣстечкѣ Щекоцинахъ на главныя силы поляковъ, находившіяся подъ начальствомъ самого Костюшки и разбилъ на голову, а чрезъ два дня русскій генераль Дерфельдентъ, изъ корпуса Фрезена, съ своею дивизіею нанесъ пораженіе при г. Хельмѣ польскому генералу Зайончику. А чрезъ недѣлю Краковъ сдался прусскому королю.

Пораженіе поляковъ при Щекоцинахъ и Хельмѣ и сдача Кракова поставили Костюшку въ весьма невыгодное положеніе: онъ сталъ терять авторитетъ среди польскихъ пановъ, а вслѣдствіе этого у него не только не увеличивались военныя силы, а напротивъ, все болѣе и болѣе уменьшались. Въ такихъ тяжкихъ обстоятельствахъ польскій диктаторъ задумалъ было поднять крестьянъ („быдло“): онъ надѣлъ сермягу, явился среди нихъ, проводилъ съ ними цѣлыя дни, пилъ и ѣлъ съ ними и убѣждалъ подняться на враговъ и биться „за отчизну“. Но изъ этого ничего не вышло: крестьяне не откликнулись на призывъ Костюшки; ни одинъ изъ нихъ съ мѣста не двинулся; придавленные и забитые владѣльцами, крестьяне рѣшительно не понимали, къ чему ихъ призываютъ, не понимали, что это такое „отчизна“ и какое у нихъ общее дѣло съ панами. А между тѣмъ такой образъ дѣйствій Костюшки еще сильнѣе подорвалъ его кредитъ среди пановъ: паны съ этого вре-

¹⁾ Подробности см. въ упомянутой нами статьѣ профессора Васильевского „Вильна“, помѣщенной въ изд. П. Н. Батюшкова въ VI выпускѣ.

мени въ высшей степени стали недовѣрчиво смотрѣть на своего диктатора и большинство изъ нихъ даже перестало думать о томъ, чтобы сообразоваться съ его планами. Но польскіе паны еще болѣе озлились, если можно такъ выразиться, на Костюшку, когда онъ сталъ разсылать универсалы съ требованіемъ, чтобы паны облегчили участь бѣдныхъ крестьянъ, а именно, чтобы уменьшили число рабочихъ дней и сократили количество собираемой дани ¹⁾. Прочитавши эти универсалы, паны, наперекоръ требованію Костюшки, еще съ большею жестокостью стали относиться къ крестьянамъ: начали обременять ихъ непосильными поборами и панщиною ²⁾.

Между тѣмъ вѣсть о пораженіи Костюшки и Зайончика и сдачѣ Кракова достигла до Варшавы. Тамъ, вслѣдствіе этого, произошло страшное волненіе и образовалось нѣсколько партій съ различными цѣлями: одна, во главѣ которой стояли король и два епископа — виленскій и холмскій ³⁾, требовала немедленнаго отправленія посольства къ

¹⁾ Въ настоящее время польскіе паны съ особеннымъ уваженіемъ относятся къ Костюшкѣ именно за этотъ образъ его дѣйствій: они говорятъ, что Костюшка своимъ обращеніемъ къ крестьянамъ разрушилъ вѣковой предрассудокъ польской шляхты объ исключительномъ ихъ правѣ на защиту своего отечества и показалъ всему свѣту, что и между польскою шляхтою были лица, горячо любившія простой народъ „быдло“. Но поляки забываютъ одно обстоятельство: Костюшка по происхожденію не только не былъ шляхтичемъ, но даже и полякомъ: по происхожденію онъ былъ русскій. Если бы Костюшка былъ шляхтичемъ, то онъ никогда бы этого не сдѣлалъ; ему бы и въ голову не пришло призывать крестьянъ на защиту отечества и хлопотать о ихъ жалкой участи: въ глазахъ родовитаго шляхтича подобнаго рода поступки составили бы позоръ и безчестіе.—Дѣдъ Костюшки былъ русскій и православный; дядя его Павелъ Костюшка—былъ тоже русскій и православный. Онъ состоялъ писаремъ Брестскаго воеводства и на свой счетъ обновилъ въ г. Брестѣ церковь св. Николая. Самъ Костюшка родился въ Гродненской губерніи, въ Кобринскомъ уѣздѣ, въ селѣ Сахновичахъ и крещенъ въ униатской церкви; доказательствомъ сего служатъ старыя метрическія униатскія книги села Сахновичъ. Сообщено настоятелемъ православной церкви во Флоренціи протоіереемъ В. Левицкимъ (онъ родомъ изъ этого села и самъ видѣлъ и читалъ эти книги). См. „Новое Время“ 1894 г. апрѣля 8 № 6405.

²⁾ Соловьевъ „Паденіе Польшы“, стр. 343.

³⁾ Эти епископы прибыли сюда изъ своихъ епархій, когда русскія войска вступили въ предѣлы Польшы противъ Костюшки.

русской императрицѣ съ просьбою о прощеніи и безусловной покорности; другая, во главѣ которой стоялъ башмачникъ Килинскій, требовала поголовнаго вооруженія и продолженія борьбы съ Россією на жизнь и смерть; третія партія, во главѣ которой стоялъ Колонтай, опиравшійся на чернь, требовала истребленія всей интеллигенціи г. Варшавы какъ дармоѣдовъ и не поддерживающихъ революціи. Сначала взяла перевѣсъ партія Килинскаго. Эта партія господствовала въ Варшавѣ два мѣсяца: она арестовала короля и убила двухъ вышеозначенныхъ епископовъ (виленскаго и холмскаго), гетмана Ожаровскаго и сенатора князя Чарторыйскаго. Затѣмъ власть ея перешла въ руки партіи Колонтая. Колонтай явился настоящимъ Робеспьеромъ г. Варшавы: онъ воздвигъ цѣлый рядъ висѣлицъ, на которыхъ подъ звуки музыки и пѣнія патріотическихъ пѣсень повѣсилъ сотни неповинныхъ гражданъ. Самъ Килинскій чуть было не попалъ на висѣлицу и только благодаря друзьямъ тайно спасся отъ ярости партіи Колонтая. Онъ бѣжалъ къ Костюшкѣ.

Въ то время какъ въ Варшавѣ происходили вышеозначенныя событія, русскіе полководцы продолжали поражать польскія войска, сформированныя Костюшкою въ нѣсколько отдѣльныхъ отрядовъ. Такъ, между прочимъ, Суворовъ въ концѣ августа 1794 г. близъ Кобрина напалъ на корпусъ польскаго генерала Сѣраковскаго и нанесъ ему пораженіе. Сѣраковскій быстро отступилъ къ монастырю Крупицы и, пополнивши убыль новыми отрядами войскъ, думалъ идти на Суворова, но Суворовъ самъ напалъ на него и снова поразилъ. Сѣраковскій бѣжалъ съ остатками войскъ къ г. Бресту; Суворовъ погнался за нимъ, 8 августа настигъ подъ городомъ и окончательно „добилъ“. Послѣ этого Суворовъ направился къ Варшавѣ, гдѣ находился Костюшка съ главными силами, приказавъ генералу Фрезену идти къ нему на соединеніе съ своимъ корпусомъ. Фрезенъ пошелъ, но объ этомъ узналъ Костюшка. Польскій генералиссимусъ быстро двинулся со всѣми своими войсками на Фрезена, чтобы истребить его, прежде нежели онъ соединится съ Суворовымъ. 29-го сентября 1794 г. Костюшка, дѣйствительно,

настигъ Фрезена около деревни Маціовицахъ и храбро атаковалъ его.

Битва началась рано утромъ. Долгое время ни та, ни другая сторона не могла похвалиться успѣхомъ: поляки, какъ и русскіе, бились храбро. Русскіе пять разъ дѣлали атаки на главныя силы поляковъ (на центръ) и пять разъ отступали съ большимъ урономъ, пока генераль Хрущевъ съ своею дивизіею не обошелъ поляковъ слѣва и не ударилъ съ тылу, а дивизія Денисова пошла въ штыки. Все смѣшалось и спуталось. Поляки пришли въ ужасъ, страшная паника распространилась между ними: они стали бросать оружіе и тысячами обращаться въ бѣгство. Костюшка, стоявшій на правомъ крылѣ своей арміи, видя всеобщее бѣгство, самъ заразился паникою и, повернувши лошадь, быстро помчался за бѣгущими. Это замѣтилъ корнетъ Харьковскаго легкоконнаго полка Феодоръ Ильичъ Лысенко, и вмѣстѣ съ корнетомъ Елисаветградскаго конно-егерскаго полка Смородскимъ и двумя козаками — Лосевымъ и Топилинымъ погнался за нимъ. Первыми подскакали къ Костюшкѣ козаки и своими пиками нанесли ему въ ноги нѣсколько ранъ. Затѣмъ подскакалъ Лысенко, который, выхвативши саблю, нанесъ Костюшкѣ двѣ раны — одну въ затылокъ, а другую въ спину. Отъ этихъ ударовъ Костюшка не усидѣлъ на лошади и, лишившись сознанія, упалъ на землю. Падая съ лошади, Костюшка, какъ говорятъ нѣкоторые, громко крикнулъ: „*finis Poloniae*“. Вслѣдъ за этимъ къ сему мѣсту подѣхалъ генераль Денисовъ. Генераль распорядился принести воды и обмыть лицо Костюшки. Костюшка пришелъ въ себя, попросилъ пить, — ему дали воды. Затѣмъ генераль Денисовъ спросилъ его, кто онъ таковъ. Костюшка на вопросъ прямо отвѣтилъ: „я Костюшка“ и снова впалъ въ безсознательное состояніе. Въ такомъ положеніи его на носилкахъ, сдѣланныхъ изъ козацкихъ пикъ, отнесли въ замокъ, находившійся въ мѣстечкѣ Маціовицахъ, гдѣ помѣщался походный лазаретъ ¹⁾.

¹⁾ Подробности битвы при Маціовицахъ и взятіе Костюшки въ плѣнъ см. Костомарова „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“ т. II. „Русскую старину 1874 г. т. XI стр. 405—464 и „Историческій Вѣстникъ“ за 1893 г.

Битва при Маціовицахъ была послѣднею битвою поляковъ въ открытомъ полѣ во время политическаго существованія Рѣчи Посполитой.

Между тѣмъ русскіе подѣ начальствомъ Суворова продолжали двигаться къ Варшавѣ. На пути къ нимъ,—послѣ Маціовицкой битвы,—присоединился и Фрезенъ. 22-го октября Суворовъ во главѣ 20-ти-тысячнаго корпуса приступилъ къ столицѣ Польши, которая, между тѣмъ, благодаря распорядительности польскаго генерала Вовржецкаго, была значительно укрѣплена: внутри ея собрано было 30000 войска и 100 орудій.

24 октября Суворовъ, несмотря на малочисленное количество своего войска сравнительно съ польскимъ, приступилъ къ штурму пражскихъ укрѣпленій (самыхъ главныхъ). Штурмъ начался съ разсвѣтомъ; съ обѣихъ сторонъ бились съ ожесточеніемъ. Къ двумъ часамъ дня Пражскія укрѣпленія были взяты и русскіе начали осыпать картечью самый городъ. Поляки не выдержали убійственнаго русскаго огня; они прислали депутацію и сдали городъ. На закатѣ солнца Суворовъ во главѣ своихъ войскъ съ музыкой и развѣвающимися знаменами вступилъ въ столицу польскихъ королей. Безчисленныя толпы народа запрудили всѣ улицы Варшавы, по которымъ русскіе проходили, при чемъ поляки кричали: „вивать Екатерина, вивать Суворовъ“.

Со вступленіемъ русскихъ войскъ въ Варшаву, революціонное правленіе было уничтожено. Большая часть членовъ

Ноябрь. Статью Андрианова „Забытый герой“. Лысенко за свой подвигъ произведенъ былъ въ слѣдующій чинъ (въ поручики) и получилъ награду въ 500 червонцевъ.—Въ г. Тимѣ (Курской губерніи) около Знаменской церкви есть старая могила, поросшая травой, а на ней камень въ видѣ трюбницы съ слѣдующею надписью:

„Здѣсь тѣло отставнаго ротмистра

„Федора Ильича Лысенко родился 1751 г.

„Февраля 19-дня жилъ 81 г. 2 мѣца и 11 дней

„въ жизни своей на войнѣ самъ вѣдалъ

„Костюшку въ плѣнѣ“.

Костюшка впоследствии выдворовѣлъ. Императоръ Павелъ I освободилъ его и онъ уѣхалъ въ Швейцарію, гдѣ и умеръ.

этого правленія бѣжала за границу. Король Станиславъ Понятовскій опять вступилъ въ управленіе своимъ государствомъ. На другой день онъ написалъ собственноручное письмо императрицѣ Екатеринѣ II, въ которомъ вручалъ судьбу Польши въ руки русской государыни и только просилъ облегчить участь ни въ чемъ неповиннаго народа и сжалиться надъ его безотраднѣю судьбою.

По распоряженію русской государыни Станиславъ Понятовскій 8-го января 1795 г. изъ Варшавы переѣхалъ въ Гродну, чтобы тамъ ожидать дальнѣйшихъ распоряженій.

Послѣ паденія Варшавы, между правительствами русскимъ, прусскимъ и австрійскимъ начались дипломатическія переговоры относительно дальнѣйшаго существованія Польши. Переговоры шли около года и кончились тѣмъ, что вышеозначенныя правительства положили—прекратить дальнѣйшее политическое существованіе Рѣчи Посполитой, какъ государства безпокойнаго и вреднаго для развитія сосѣднихъ государствъ. Послѣ этого состоялся новый раздѣлъ Польши. По этому раздѣлу Россія получила Литву (нынѣшнія губерніи Виленскую, Ковенскую и Гродненскую безъ Бѣлостокскаго уѣзда ¹⁾), Пруссія—Варшаву съ прилегающимъ округомъ (нынѣшнее царство Польское) а Австрія—Краковъ и прилегающія области.

13 октября 1795 г. актъ этого раздѣла былъ подписанъ Россіею, Пруссіею и Австріею, а 14 ноября того же года

¹⁾ Говоря о присоединеніи Литвы къ Россіи, мы вспомнили одинъ историческій фактъ, случившійся въ Вильнѣ въ XVII ст., именно: 14-го августа 1636 г., какъ извѣстно, въ Вильнѣ происходило открытіе мощей св. Казимира. По поводу этого открытія одинъ изъ католическихъ прелатовъ произнесъ въ костелѣ св. Станислава (въ кааедрѣ) проповѣдь, въ которой, между прочимъ, сказалъ: „Теперь, когда святые мощи Казимира вознесутся на подобающую высоту, конецъ будетъ „схизмъ“ (православнымъ) въ этомъ городѣ и „москаль“ больше не вступитъ ногою въ нашу святую Литву, оберегаемую ея патрономъ св. Казимиромъ“ (Казимиръ признается поляками патрономъ Литвы). А что мы теперь видимъ 250 лѣтъ спустя послѣ этой проповѣди? „Не испытаны судьбы Божіи и не изслѣдованы пути Его“.

Станиславъ Понятовскій отказался отъ престола и сложилъ съ себя корону ¹⁾.

Такъ совершился третій и послѣдній раздѣлъ Польши.

Итакъ, ровно 175 лѣтъ спустя, послѣ того какъ русскій депутатъ земли Волынской Древинскій призывалъ поляковъ къ суду Божию за ихъ незаконныя дѣла по отношенію къ православному населенію Рѣчи Посполитой, судъ Божій, дѣйствительно, совершился надъ Польшею.

Такимъ образомъ, Рѣчь Посполитая, имѣвшая 14000 квадр. миль и 15000000 жителей и принадлежавшая къ числу первоклассныхъ государствъ Европы, менѣе чѣмъ въ двадцать лѣтъ исчезла съ карты Европы.

Но отчего же Польша пала ?

Этимъ вопросомъ занимались (да и теперь занимаются) сотни ученыхъ и по сему случаю высказали массу разнообразныхъ мнѣній. Но, конечно, больше всѣхъ занимались и занимаются этимъ вопросомъ польскіе ученые и польскіе публицисты. Не пересчитывая всѣхъ мнѣній ученыхъ, занимавшихся вопросомъ о причинахъ паденія Польши, мы остановимся только на главнѣйшихъ изъ нихъ и при томъ на мнѣніяхъ польскихъ ученыхъ ²⁾.

I) Графа Велигорскаго. Велигорскій въ своемъ сочиненіи „О возвращеніи прежнихъ формъ правленія на основаніи первоначальныхъ законовъ Рѣчи Посполитой“—причину паденія Польши видитъ въ анархіи, произшедшей отъ уклоненія польскаго правительства отъ первоначальныхъ формъ правленія Польши, т. е. отъ правленія предковъ, которое Велигорскій считаетъ счастливымъ.

II) Сташица. Сташиць (современникъ Станислава Понятовскаго) въ своемъ сочиненіи „Предсказаніе для Польши“ паденіе (гибель) Польши видитъ въ крѣпостномъ правѣ.

¹⁾ Послѣ отреченія отъ престола, Станиславъ Понятовскій переехалъ на житье въ С.-Петербургъ. Тамъ прожилъ онъ около трехъ лѣтъ: 21-го февраля 1798 г. скончался и погребенъ съ царскими почестями въ Петербургѣ, въ католической церкви св. Екатерины.

²⁾ Мы остановимся на мнѣніяхъ польскихъ ученыхъ касательно вопроса о паденіи Польши на томъ основаніи, чтобы противная сторона (разумѣемъ поляковъ) не заподозрила насъ въ пристрастіи.

III) Нарушевича. Нарушевичъ въ своемъ сочиненіи „Исторія польскаго народа“ гибель Польши взваливаетъ на сосѣдей и преимущественно на Россію.

IV) Нѣмцевича. Нѣмцевичъ въ своихъ такъ называемыхъ „Историческихъ пѣсняхъ“ и въ другомъ сочиненіи „Мысли объ упадкѣ и характерѣ польскаго народа“—паденіе Польши приписываетъ безразсуднымъ поступкамъ шляхты, положившей рѣзкую грань между собою и народомъ.

V) Лелевель въ своемъ сочиненіи „Царствованіе Станислава Понятовскаго“ причину паденія Польши видитъ въ преобладаніи аристократіи (можновладства) надъ народомъ (гминовладствомъ). Іезуиты и преслѣдователи диссидентовъ, по словамъ Лелевеля, также много этому содѣйствовали.

VI) Морачевскаго. Морачевскій въ своемъ сочиненіи „Очеркъ Польской республики“ (9-тъ томовъ, 1843—1855 г.) всѣ несчастія, постигшія Польшу, и самое ея паденіе видитъ въ католичествѣ. Онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ: „не будь Польша католическою державою, она не погибла бы“.

VII) Дзѣдушицкаго Лаврентія. Этотъ писатель говоритъ, что Польша пала оттого, что не осуществила мысли Сигизмунда III, т. е. не обратила всѣхъ въ католичество.

VIII) Шуйскаго. Этотъ знаменитый польскій историкъ въ своемъ двѣнадцати-томномъ сочиненіи „Исторія Польши“ проводитъ ту мысль, что Польша пала по винѣ шляхты и я безразсудныхъ дѣйствиіи.

IX) Бобржинскаго Михаила, профессора Краковскаго университета. Этотъ ученый (онъ и теперь состоитъ профессоромъ краковскаго университета) въ своемъ выдающемся сочиненіи „Очеркъ исторіи Польши“¹⁾ говоритъ, что Польша пала отъ анархіи. Взглядъ профессора Бобржинскаго на паденіе Польши, какъ взглядъ выдающагося современнаго ученаго, мы приводимъ цѣликомъ: „Ни границы, ни сосѣди, а нашъ внутренній разладъ довелъ насъ до паденія государственнаго существованія. Какія бы мы теперь ни находили причины нашего паденія, будетъ ли это

¹⁾ Это сочиненіе профессоромъ Петербургскаго университета Корвемъ переведено на русскій языкъ въ 1888 г.

притѣсненія народа шляхтою, или приниженное положеніе городовъ, или моральный упадокъ и умственный регрессъ въ интеллигенціи — все это будутъ только второстепенныя явленія, которыя въ другихъ мѣстахъ выступали еще въ худшемъ видѣ, но ни одного народа не доводили до утраты политическаго бытія. Вездѣ, именно въ другихъ мѣстахъ, существовали правительства, которыя, усмотрѣвъ зло раньше или позже, поправляли или уменьшили его. У однихъ только насъ, продолжаетъ Бобржинскій, не доставало этого оздоровляющаго фактора, не доставало правительства, которое въ рѣшительную минуту сокупило бы около себя хотя и разрозненныя общественныя силы и предало бы имъ единое направленіе... Итакъ, заключаетъ профессоръ Бобржинскій, Польша пала вслѣдствіе отсутствія крѣпкой монархической власти и развитія буйнаго и неукротимаго шляхетства въ ущербъ народа. Польша пала отъ анархіи“.

Этотъ взглядъ на паденіе Польши, по нашему мнѣнію, самый правильный и мы вполне съ нимъ согласны, а потому еще разъ повторимъ его:

„Польша пала вслѣдствіе отсутствія крѣпкой монархической власти и развитія буйнаго и неукротимаго шляхетства въ ущербъ народа. Польша пала отъ анархіи“.

Въ заключеніе нашей статьи прибавимъ еще слѣдующее: если мы обратимся къ исторіи Польши, то тамъ найдемъ много лицъ, которыя задолго до паденія сего государства предвидѣли неминуемую гибель его вслѣдствіе неимовѣрнаго развитія „шляхетской власти“ въ ущербъ власти монархической и народной. Къ числу такихъ лицъ, между прочимъ, относятся слѣдующіе польскіе короли:

Болеславъ Отважный (1058—1081). Это былъ одинъ изъ замѣчательныхъ королей Польши. ¹⁾ Когда онъ вступилъ на престолъ, то, какъ гениальный человѣкъ, сразу понялъ, что Польша никогда не сдѣлается сильнымъ и могучимъ государствомъ, если шляхта будетъ пользоваться правами, данными ей его предшественниками и рано или поздно

¹⁾ Онъ былъ внукъ русскаго князя Владиміра Святаго, сынъ его дочери Маріи—Доброгѣвны.

сдѣляется добычею сосѣдей, а потому, лишь только принялъ бразды правленія, положилъ отнять у шляхты эти права. Чтобы вѣрнѣе достигнуть намѣченной цѣли, Болеславъ Отважный сначала задумалъ освободить крестьянъ изъ-подъ власти шляхты и затѣмъ, опираясь на нихъ, дѣйствовать по усмотрѣнію. Но шляхта скоро разгадала этого страшнаго для нихъ человѣка и начала съ нимъ борьбу на жизнь и смерть. Все было пущено въ ходъ противъ этого великаго человѣка. А когда борьба стала клониться на сторону короля, шляхта выставила противъ него и его великихъ плановъ краковскаго епископа Станислава Щепановскаго. Этотъ суровый старикъ проклялъ Болеслава Отважнаго и отлучилъ его отъ церкви. Проклятый король изгнанъ былъ изъ отечества и умеръ гдѣ-то въ неизвѣстности, горько оплакиваемый простымъ народомъ ¹⁾.

Владиславъ IV (1632—1648), сынъ и преемникъ Сигизмунда III. Этотъ король и по уму, и по характеру тоже принадлежалъ къ числу выдающихся правителей Польши. Онъ, какъ и Болеславъ Отважный, видѣлъ, какое страшное бѣдство предстоить испытать Польшѣ отъ правъ и „вольностей шляхты“; какъ тотъ, такъ и этотъ задумалъ было уничтожить всѣ привилегіи шляхты. Для этой цѣли Владиславъ IV нанялъ было за границу 14000 войска и пригласилъ козаковъ. Но шляхта, узнавъ объ этомъ, приказала немедленно распустить войско и отречься отъ козаковъ. Владиславъ, вслѣдствіе семейныхъ обстоятельствъ, исполнилъ требованіе шляхты, но потомъ всю жизнь раскаивался въ этомъ.

¹⁾ Подробности этого дѣла см. мое сочиненіе „Исторія Литовскаго государства“, стр. 195.—Нужно замѣтить, что исторія борьбы Болеслава Отважнаго съ шляхтою, благодаря ненависти духовенства, у польскихъ писателей страшно искажена, за исключеніемъ Лелевеля. Документы, въ которыхъ безпристрастно излагалась эта борьба, всѣ истреблены католическимъ духовенствомъ, кромѣ хроники Мартина Галла, писателя XII в. (См. исторію Бестужева Рюмина т. II), потому что въ нихъ король выставленъ былъ съ самой выгодной стороны, а Станиславъ Щепановскій—наоборотъ. Станиславъ Щепановскій признанъ святымъ и покровителемъ Польши. Въ честь его много построено костеловъ въ Польшѣ и Литвѣ и, между прочимъ, кафедральный костель въ Вильнѣ.

Янъ-Казимиръ (1648—1662 г.), братъ и преемникъ Владислава. Этотъ король болѣе, чѣмъ его предшественники, предвидѣлъ отъ „шляхетской вольности“ неизбѣжную гибель Польши. По слабости своего характера онъ не принималъ никакихъ мѣръ противъ „шляхетской вольности“, но зато рѣзко обличилъ шляхту въ прощальной рѣчи и пророчески предсказалъ гибель Польши; именно: послѣ четырнадцатилѣтняго тягостнаго правленія Польшею, Янъ-Казимиръ, въ началѣ сентября 1668 г. созвалъ сеймъ въ Варшавѣ. Затѣмъ 16 числа того же мѣсяца, явившись на сеймъ, отказался отъ престола, при чемъ произнесъ замѣчательную рѣчь, въ которой, между прочимъ, сказалъ: „дай Богъ, чтобы я не былъ пророкомъ, но говорю вамъ: если вы не исправитесь, если вы не измѣните вашихъ порядковъ и вашихъ мнимо-свободныхъ избраній и если не откажетесь отъ нѣкоторыхъ вашихъ вольностей, то Рѣчь Посполитая сдѣлается жертвою иноземцевъ, такъ: Москва оторветъ русскія земли и Литву до самого Буга, Нарева и даже Вислы, Пруссія отниметъ Великую Польшу и польскую Пруссію, Австрія же, видя, что другіе дѣлятъ между собою наше добро, кинется на краковское и смежныя воеводства, и каждая изъ сосѣднихъ державъ пожелаетъ лучше владѣть частію нашего государства, чѣмъ имѣть его все съ вашими нынѣшними ольн остями“ ¹⁾.

Янъ Собѣскій (1674—1696). И по внутреннему управленію, и по внѣшнимъ дѣламъ этотъ король, какъ извѣстно, принадлежитъ къ числу рѣдкихъ правителей въ исторіи.

Но едва ли не больше всѣхъ польскихъ королей онъ перенесъ огорченій отъ польской шляхты ²⁾: нѣсколько разъ онъ собирався отречься отъ престола, и если не привелъ въ исполненіе своего желанія, то только благодаря интригамъ вельможъ и жены, но зато онъ старался воспользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы поставить шляхтѣ на

¹⁾ „Исторія польскаго народа“ Бянтке II т. стр. 313.

²⁾ Кульжинскій, стр. 162.

видѣ, что она своими вольностями „губить Рѣчь Посполитую и въ концѣ концовъ загубить“ ¹⁾).

Кромѣ вышеозначенныхъ лицъ, мы могли бы привести много и другихъ, которыя предвидѣли гибель Польши вслѣдствіе „шляхетской вольности въ ущербъ власти монархической“, но размѣры нашей статьи, и безъ того затянувшейся, не позволяютъ намъ сдѣлать сего, а потому мы этимъ и окончимъ нашу статью.

П. Дм. Брянцевъ.

1894 г. сентября 9.
г. Вильна.

¹⁾ Когда Янъ Собѣскій лежалъ на смертномъ одрѣ, то сенаторы и члены сейма, окружавшіе его постель, стали было просить, чтобы онъ продиктовалъ имъ свое политическое завѣщаніе, которое они охотно исполнять. Янъ Собѣскій собралъ послѣднія силы, приподнялся и сказалъ замогильнымъ голосомъ: „Вы исполните мое завѣщаніе послѣ моей смерти? Вы, которые никогда не исполняли моей воли при жизни моей? Смѣшно объ этомъ и говорить“.

№ 20
1/11/16

Цѣна 40 коп.

Сочиненія того же автора:

- I. „Исторія Литовскаго Государства съ древнѣйшихъ временъ“. Вильна. 1889 г. Цѣна 4 руб. съ пересылкою.
- II. „Очеркъ древней Литвы и Западной Россіи“. Вильна. 1891 г. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
- III. „Польскій Мятежь 1863 г.“. Вильна. 1892 г. Цѣна 1 руб. 50 к. съ пересылкою.

~~~~~

Адресъ: Русская Книжная Торговля **А. Г. Сыркина,**
въ Вильнѣ.